

«Петербургский дневник» представляет

Тимур
Максютов

Под кроватью была подвешена
конструкция: брикеты пластана,
перемотанные изолентой,
и черная коробка, помаргивающая
красным огоньком.
Стараясь не выдать волнения,
сипло сказал:
– Маленькая, очень осторожно
поднимись с постели.
Ты лежишь на бомбе.

Офицерская баллада

Писатели на войне, писатели о войне

Тимур Максютов

Офицерская баллада

«Автор»

2016

УДК 94(47).084.9
ББК 63.3(2)633-68

Максютов Т. Я.

Офицерская баллада / Т. Я. Максютов — «Автор», 2016

ISBN 978-5-91498-062-4

Противоречивые, трагические и комические события эпохи перемен – конца 80-х годов прошлого века – затягивают в свою воронку юного лейтенанта Марата Тагирова. Отправленный в глухой монгольский гарнизон, он вдруг оказывается в центре войны разведок сверхдержав и других странных происшествий. Молодой офицер теряет бойцов, обретает друзей, обнаруживает труп младенца, ловит диверсантов, получает втыки от начальства, безнадежно влюбляется – и неумолимо взрослеет. Посланник Океана и чингизиды, агенты спецслужб и загадочный Старец, мудрый Бхогта-лама и члены Политбюро – все они оказывают влияние на необычную судьбу Тагирова. На самом деле это роман – о Любви и Свободе.

УДК 94(47).084.9
ББК 63.3(2)633-68

ISBN 978-5-91498-062-4

© Максютов Т. Я., 2016
© Автор, 2016

Содержание

Пролог	6
Глава первая	7
Глава вторая	16
Глава третья	34
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Тимур Максютов

Офицерская баллада

«Степь — это не океан. Степь понятна и надежна. На предательской поверхности океана не поставишь юрту и не сможешь пасти баранов. В черных мокрых глубинах обитают страшные чудовища; океан переменчив и непредсказуем. Но он соленый, как твоя кровь, твой пот и твои слезы.

И только стоя на его берегу, ты сможешь когда-нибудь увидеть Зеленый Парус».

Из откровений Бхогта-ламы

Роман основан на нереальных событиях, приснившихся автору весенней гулкой ранью. Любые совпадения имен и названий случайны; дураку ничего не скажут, умного позабавят.

А срок подписки о неразглашении давно истек. Так что обломись, мой суровый куратор!

Издание выпущено при поддержке Комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой информации Санкт-Петербурга

Пролог

Такие цвета здесь бывают только в мае, да и то недели две, не больше. Густо-синее небо. Безупречное – ни единого белого комочка. Опрокинутое над изумрудной степью, покрытой новорожденной травой длиной в женский ноготь.

Ольга Андреевна с удовольствием вступила босыми ножками в нагретый солнцем янтарный квадрат паркета. Отдернула тюлевую занавеску, скрипнув кольцами по проволоке. Надавила узкой ладонью на ручку балконной двери; открыла, впустив в комнату непривычно чистый, без единой пылинки, сквознячок.

Совсем немного дней пройдет, и беспощадное монгольское солнце убьет зелень, превратив ее в грязно-желтый пыльный ковер. Сводящий с ума, вечный ветер пустыни Гоби будет гонять мутные клубы, покрывая мелким серым прахом все вокруг.

А небо выгорит до рвотно-блеклого оттенка старых сатиновых трусов. Сзади раздались зевок и противный скребуший звук. Легкое воздушное настроение мгновенно сгнуло.

Ольга оглянулась и поморщилась.

– Коля! Ну сколько тебя просить! Не чеши свои... причиндалы свои! При мне.

– Отставить ныть! Подумаешь, какие мы нежные – муж хозяйство при них чешет! Иди лучше борщу согрей – я жрать хочу. И балкон закрой, дура, пылища же налетит!

– Подожди немножко. Помнишь, ты только майора получил... В семьдесят восьмом году? А, неважно. Мы в санаторий поехали, в Адлер. Чемоданы даже не стали заносить, побежали на берег. Было утро, такое свежее! И море. Синее-синее. Вот подойди, погляди – небо сейчас такого же цвета, как тогда море. Прямо дежавю какое-то. И ты меня еще тогда обнял, так нежно. И сказал...

– Слушай, хватит трындеть, а? Жрать, говорю, давай!

Ольга Андреевна с грохотом захлопнула балконную дверь. Стремительно пронеслась на кухню, давя подкатывающие к горлу слезы и стараясь не слушать доносящееся вслед шуршание газеты и злобное бормотание:

– Это ж надо, слов каких нахваталась – «дежавю»! Ерш твою! Графиня, понимаешь...

Глава первая

Культурный шок

Вентилятор гудел пожилым шмелем, безрезультатно перемешивая горячий воздух затхлого кабинета. Жаркий монгольский август восемьдесят восьмого года никак не кончался.

Начальник кадров политотдела армии потянулся, хрустнул затекшей шеей. Денек выдался нелегкий – с утра шли бирюзовым потоком молодые лейтенанты в золотых крыльшках погон. Пришло время выпускников военно-политических училищ, и каждого надо было пристроить в нужную клеточку – вакансию. Не забывая при этом о просьбах друзей из гарнизонов («Петрович, ты уж мне подбери сопляка получше, а за мной не заржавеет») и главное – прямых указаний по поводу «блатных».

Одного такого «с волосатой лапой» только что удалось впихнуть на непыльную должность в Дом офицеров. Барчук не оценил усилий и ныл, что «он не клоун, на концертах кривляться». А хочет он в редакцию армейской газеты, потому что чувствует в себе небывалый талант.

Полковнику пришлось построжать голосом и справедливо заметить, что лейтенант на Мурзилку похож еще меньше, чем на клоуна. А заметки тискать в газету ему никто не помешает. Повеселевший генеральский сыночек отправился в штабной узел связи, чтобы, вопреки всем правилам, сообщить в Москву по недоступному простым смертным прямому каналу о первом офицерском назначении.

Кадровик обнаружил погибающую в остатках холодного чая синюю муху, отставил стакан. И сипло крикнул:

– Следующий! Есть еще кто?

Дверь застенчиво открылась, и в кабинет проник юный офицер, сияющий пуговицами на новеньком мундире.

– Товарищ полковник, курсант... ой... виноват. Лейтенант Тагиров прибыл для дальнейшего прохождения службы.

Начальник хмыкнул. Унижение, испытанное при распределении «позвонкового» салаги, требовало немедленной компенсации. Худющий чернявый лейтенантик отлично подходил для этой роли.

– Курсант, гы! Зелень травяная. Садись, летёха! Посмотрим, что тут для тебя есть.

Густо покрасневший Марат присел на заскрипевший разбитый стул и замер в ожидании.

Полковник раскрыл личное дело в желтой картонной обложке. Почитал, продолжая скептически похмыкивать.

– Ишь ты, красный диплом, золотая медаль... А чего в Забайкальский округ тогда рапорт написал? Ехал бы себе в Германию служить.

– Я решил сначала куда потруднее, товарищ полковник.

– Значит, имеем в наличии идеалиста, хи-хи-хи! Ничего, тут тебе быстро мозги вправят! Куда бы тебя подальше-то... Поедешь в Чойр, на армейскую ремонтную базу. Поезд туда днем, двенадцать часов – и ты на месте. Иди в третий кабинет – получишь предписание и тугрики на билет. Свободен, романтик, хи-хи-хи!

* * *

Сначала надо долго пить чай с молоком и молчать при этом. Громко глотать и отдуваться – признак хорошего тона. Женщина принесла пиалу с обжигающим подсолненным напитком, поклонилась, подала двумя руками. Приезжий из Чойренского аймака уважительно принял посуду тоже двумя руками, поглядел на плавающие по желтой поверхности пятна жира и приступил к процессу.

Жители просторов Гоби смотрят на мир прищурившись, чтобы он не смог сразу весь ворваться в мозг и внести смятение в душу. Вселенную надо потреблять постепенно, небольшими глотками, чтобы не обжечь нутро. И тогда ты сможешь понять ее истинную суть, смысл движения звезд и язык степного ветра.

Потом женщина принесла водку в фарфоровых стопках; первому подала владельцу дома, что в Улан-Баторе. Старик окунул в емкость безымянный палец. Трижды сбрызнул в сторону юга – в знак почтения к духам огня. Потом свою долю уважения получили воздух, вода и умершие предки.

Только после первого глотка крепкой жидкости можно начинать разговор. Сначала поинтересоваться, здоров ли собеседник, благополучны ли его родные, в порядке ли скот... И совершенно не важно, что нет у гостя из Чойра никакой скотины. Если не считать начальства. А вместо верблюда или коня давно уже используется что-нибудь с мотором.

Учитель наконец покончил с ритуалом и заговорил о насущном:

– Мир меняется. Но сейчас он вообще похож на облако, которое гонит ветер. Облако само не понимает, каким оно будет через мгновение, какую форму и цвет обретет.

Гость склонил голову в знак признания мудрости, а про себя подумал: «Достал уже дедушка своими сказками – скорее бы к делу переходил».

Старик будто услышал его и сказал главное:

– Словом, скоро Советскому Союзу кранты. В смысле, конец.

– Это... Это откуда такие сведения? – ошарашенно спросил чойренец.

– Оттуда, – учитель показал скрюченным подагрой пальцем вверх.

Гость осторожно взглянул на покрытый трещинами, давно не крашенный потолок и шепотом уточнил:

– В смысле, в Центральном комитете Монгольской народно-революционной партии такие мысли бродят?

– Тьфу на тебя, – разозлился хозяин, – да и на твоих коммуняк заодно! Это – расшифрованное откровение преподобного Бхогта-ламы. Видел он камень белый, который не смог смыть коричневый поток, не сумела разбить звездная, в полоску, молния. Но монолит сам рассыпался на пятнадцать частей. Так что все – два-три года максимум.

– И когда этот... Бэ-э-б-хогта-лама такое сказал?

Хозяин не на шутку рассердился:

– Идиота кусок! Дурак тебя понюхал! Любому школьнику известно, что Бхогта-лама еще не родился. Сейчас, впервые за много веков, у Монголии есть шанс обрести настоящую независимость. Но тут надо постараться, чтобы северные соседи поскорее ушли, а южные не успели занять их место. Сначала поссорить, потом помирить. Подобно обезьяне на дереве, что сверху смотрит на драку львицы и тигрицы, швыряя в них орехи. А когда могучие хищницы устанут, медленно спускается вниз и всех... – учитель энергично жестами изобразил, как именно должен поступить обезьяна, и у гостя сам собой отпал вопрос, почему женщина-прислужница моложе того лет на сорок: – Пекинцы все силы приложат, чтобы подставить советских. У них же есть агентура на Чойренской советской рембазе? Должна быть, обязательно. Будут человеческие жертвы – без них никак. Но ни китайцы, ни русские

не смогут одержать верх в этой схватке. Победителем должен стать наш народ. В другом откровении Бхогта-ламы сказано, что явится в твой аймак Посланник Океана и поможет осуществлению плана.

– Ничего не понимаю, – растерянно сказал гость, – прорицатель и о наших проблемах знал? Рассказывал о Чойре? О нашем ближайшем будущем?

– Когда же ты поймешь, что обо всем, что произойдет в мире, давно сказано. Надо лишь уметь слушать шепот звезд и журчание Млечного Пути.

Окончательно сбитый с толку чойренец почесал тонкую переносицу. Все-таки набрался смелости и спросил:

– А вот про морского посла я не понял... У нас же в Монголии моря нет! Откуда он возьмется?

– Я сказал «Посланник Океана»! – раздраженно рявкнул учитель, – Что непонятно?!

– Если честно – все, – тихо сказал гость.

– Значит, не пришло твое время понять, – внезапно успокоился старик. – Ладно, поумей, набросай программу своих действий. Не забудь, что в трех экземплярах.

– А еще два экземпляра кому? – почему-то шепотом спросил гость.

– Туда, – старик потыкал пальцем в потолок. – И туда, – показал им же в пол.

Чойренец почувствовал, как ужас ледяным скорпионом карабкается по позвоночнику.

* * *

Лейтенант Тагиров протомился у окошка вокзальной кассы добрый час. дождался жующую кассиршу и получил билет в третий плацкартный вагон.

Вдоль перрона метались толпы местных с мешками. Они бегали от вагона к вагону и что-то вопили. Солидные проводники, сплошь мужчины за сорок в белых нитяных перчатках, игнорировали вопросы соплеменников, напоминая гордым окаменевшим видом памятники партийным деятелям.

Марат подивился экзотическому способу посадки и пошел искать свой плацкарт. И уже через пять минут очень захотел присоединиться к растерянной толпе.

После второго вагона шел сразу седьмой. Потом четвертый, потом три подряд без номеров. Окончательно добил лейтенанта вагон под номером «ноль».

По платформе важно прогуливался железнодорожный начальник в сияющем нашивками и значками мундире. Он сквозь зубы что-то приказывал проводникам, и те меняли таблички с номерами вагонов на другие – такие же нелогичные... Все это походило на игру, имеющую целью свести с ума несчастных пассажиров.

– Что, новенький, обалдеваешь потихоньку?

Сзади подошли два капитана-летчика в выгоревшей форме. Марат обрадовался землякам.

– Да вот, не могу свой вагон найти, номер «три».

– Подумаешь, задача! Отсчитывай от паровоза третий и садись.

– Так там номер «семь» висит!

– Фигня, поменяют! Нам тоже туда – пошли.

Капитаны оказались отличными ребятами. Угостили разведенным спиртом и терпеливо разъяснили Тагирову накопившиеся вопросы.

– Я не понимаю: зачем эта путаница с номерами вагонов?

– Да плюнь, местная специфика! Тутешний любой начальник, даже самый маленький, – это «дарга». Царь и Бог. Ему надо свою власть показать. Думается, что этой инфекцией монголы и нашу страну заразили во времена ига.

– А питаться тут где? Я в вокзальном буфете чуть не наблевал на пирожки или как их там...

– Ты чего, самоубийца? Есть можно только в нашем общепите, армейском. И вообще, поосторожней будь, контактируй с кампанами поменьше. Тут дизентерию или холеру поймать – легко. А уж желтуха – как насморк. Мы оба в Афгане отпахали – так там и то попроще с этим делом было.

За окном тащились пыльные однообразные пейзажи, по трансляции тянулась соответствующая им заунывная песня. Капитаны поучали:

– Из Союза надо везти рубли в крупных купюрах. Так-то больше тридцати рублей червонцами нельзя, а если сможешь через таможенню протащить «четвертаки», «полтинники» или «сотки» – монголы с руками оторвут, возьмут по курсу один к шести. Еще они любую бытовую технику берут с удовольствием – холодильники, утюги. Любую кожу, мех можно домой везти. Контрабандный китайский речной жемчуг – он дорогой, а спрятать легко, мало места занимает. Но вообще, конечно, опасное дело. Поймают наши таможенники – и песец: в двадцать четыре часа выкинут в Союз дослуживать, в дыру какую-нибудь.

Марат не выдержал:

– Мужики! Ну как так можно! Вы же офицеры, а разговариваете, как торгаши-кооператоры, честное слово! А как же это... Офицерская честь! Разве же мы Родину защищаем ради денег?

Капитаны переглянулись, расхохотались.

– Ну ты зеленый, как пенис лягушки! Мы же не предлагаем китайцам военные секреты продавать. Хотя они и так все про нас знают. Ладно, семью заведешь – сам поймешь, что крутиться надо. На, выпей лучше. Тимуровец, ешкин кот.

* * *

Тагиров растерянно стоял на перроне под черным монгольским небом, украшенным огромными звездами. Куда идти, как до гарнизона доехать?

Потом увидел качающуюся под единственным фонарем фигуру в офицерской фуражке и потащился с чемоданом к ней.

– Товарищ капитан! Как тут до рембазы добраться?

Небритый офицер с трудом сфокусировал взгляд на Марате.

– А! Ик... Летёха, ты кому заменщик?

– Я? Капитану Миронову вроде бы.

– Ик! Сука! Как долго я тебя ждал! Две тыщи дней и около того ночей! Я – Миронов! Неужто не видно?

Капитан вытащил из-за пазухи сигнальную ракету, с третьей попытки нащупал шнурок. Обалдевший Марат еле успел отшатнуться – чуть не опалив ему лицо, в небо с визгом унесся красный огненный шар.

– Пошли, салага. Я дежурную машину пригнал. В гарнизон поедem, отмечать будем, ик!

* * *

Ветру в монгольской степи привольно. Одетый в пыль, несется он над ровным столом Гоби, облизывает невысокие холмы, силится оторвать от земли камни. Он тут хозяин! И все здесь – его собственность: от лоящего восходящий поток орла до послушно кланяющейся ему пересохшей травы. Летит он, подгоняя толстую коричневую саранчу, летит... И разбивается о бетонный забор очередного советского гарнизона.

Ветер раздраженно перепрыгивает через препятствие и бежит пересчитывать пятиэтажки домов офицерского состава. В Чойре их – два десятка. И столько же старых одноэтажных барачков. Обособленно стоит офицерская гостиница, где есть даже генеральский люкс, весь в полированном дереве и красных коврах. Есть еще храм культуры – Дом офицеров; школа, детсад, магазины и столовая; какие-то нужные будки с гудящими в темноте трансформаторами или запасами кумачовых плакатов к празднику...

Туземцам сюда вход строго воспрещен! Исключение делается лишь для официально приглашенных делегаций аймачного партийного руководства. Еще право свободного круглосуточного входа на территорию городка имеет местный милицкий «дарга» – капитан Доржи. У Доржи темное обветренное лицо, тонкий нос с горбинкой и всегда сжатые синеватые губы. Он гордо игнорирует магазины и столовую, весь этот мещанский тлен. Приезжает по делу – к гарнизонному военному прокурору, майору Пименову. Или в комендатуру – забирать очередного пойманного патрулем земляка.

Местные, несмотря на все запреты и на строгого капитана Доржи, постоянно ищут и находят прорехи в бетонном периметре. Шустрят на помойках, собирают по офицерским квартирам пустые бутылки. Выносят поломанную мебель и брошенные ржавые железяки... Барыжат дефицитной монгольской водкой фабричного разлива. Продадут самопальные меховые шапки и криво пошитые куртки из плохо выделанных, вонючих, гремящих мездрой шкур волков, корсаков и тарбаганов. И если не поймает патруль – топают, счастливые, десять километров по степи домой, до городка Сумбэр, столицы Чойренского аймака. Монгольская жизнь даже на фоне военного быта советского гарнизона – беспросветная нищета...

С высоты орлиного полета Сумбэр выглядит, как неаккуратная кучка засохших овечьих катышков. Грязные двухэтажные дома чередуются с юртами. Наши военные здесь не редкость – забредают от скуки, пока ждут поезда. Никто не обращает на них внимания, кроме любопытных местных мальчишек. Чумазы, одетые в перешитое и рваное, обутые в жуткую дрянь, они бегут на безопасном расстоянии и кричат в спину советским солдатам что-то обидное. Лучше никак не реагировать, а то могут и камнем засветить. Камнями пацаны умеют кидаться виртуозно.

Но на этот раз монгольских гаврошей не наблюдалось, и человек в советской форме проскочил в двухэтажку под номером три незамеченным. Без стука толкнул покосившуюся дверь, вошел в квартиру. Поморщился от запаха кипящего молока и прогорклого жира.

– Я пришел, кампан. – сказал негромко, вглядываясь в полумрак.

Монгол выглянул из комнаты, кивнул. Сказал по-русски чисто, практически без акцента:

– Проходи, располагайся. Я сейчас.

Гость скептически поглядел на вытертый диван: вместо одной ножки были подложены обломки кирпичей. Решил не рисковать и осторожно присел на табуретку.

Хозяин ушел в соседнюю комнату, что-то сказал – ему ответил женский голос. Минуты через три он вернулся и сел напротив, достал из кармана синих «треников» пачку тугриков. Начал пересчитывать, шевеля губами.

Гость молчал, брезгливо разглядывая грязную растянутую майку на безволосой груди монгола. Тот заканчивал подсчет:

– Ее зуун, мянга. Все, тысяча. Забирай.

Русский схватил неровную пачку, спрятал во внутренний карман. Вскочил.

– Все, спасибо, я пошел.

– Да подожди ты, куда торопишься? Давай посидим, чаю выпьем. Или водки. Разговор есть.

Гость хмыкнул. Присел обратно.

– Чаю вашего не надо – потом блевать с него. И водки не хочу. Говори давай, у меня времени нет.

– Не надоело тебе мелочью заниматься?хлопот много, денег мало. Мыло, сапоги, тушенка – все ерунда, даже если ящиками торговать.

– А что, есть другие предложения?

– Конечно есть. Патроны нужны. Много. Цинк, лучше два.

– Ты того, кампан?! Это же хищение боеприпасов, тут лет на пять загреметь можно! – Гость опять вскочил, попятился к двери. – Все, нафиг! Ты не говорил, я не слышал.

Хозяин прикрыл и без того узкие глаза. Скучным голосом проронил, делая паузы между словами:

– Двухкассетник. Японский. Новый. За два цинка патронов.

Гость замер. Вылупился, приоткрыв рот, непроизвольно теребя пальцами пуговицу кителя. «Жадный, – подумал хозяин. – Это хорошо». И продолжил так же тихо:

– А стрелять – в волков. Развелось волков. Никакой жизни бедному монгольскому арату не стало. И гранат бы хорошо – вдруг на рыбалку пойду? Автоматы тоже интересны.

– Ты что, кампан, войну устроить собрался?

– Год-два пройдет – вы войска выведете. Тут, понимаешь, только на себя надеяться остается, а как без оружия? Ну, так что – будешь водку?

Русский проглотил слюну, дернув кадыком, кивнул:

– Буду.

* * *

Первый день в офицерской карьере Марата Тагирова напоминал магазин славного автомата ПППШ – набит событиями туго, а пролетел мгновенно, одной очередью в пять секунд.

Утом Марат самостоятельно нашел офицерскую гостиницу, пристроил чемодан у вахтерши. У нее же разузнал, что на рембазу в семь утра ходит автобус для офицеров, на который он уже опоздал. Так что придется пешочком, четыре километра – не расстояние.

– Сначала мотострелковый полк пройдешь, потом штаб дивизии. Потом ракетный дивизион, автобат, и уж почти в самом конце – ваша рембаза.

Дальше – только хлебозавод. В Китай не уйдешь, не бойсь! Счастливо служить, лейтенант!

* * *

– Говоришь, Миронову, комсorghу батальона, заменщик? Дождался, значит, страдалец, ха-ха-ха! Тот еще клоун был! То на учениях пистолет потерял – всем составом искали. То матерные частушки про замполита базы Дундука... сочинил и по радиотрансляции на все расположение части вопил. Дундук аж позеленел, поднял наряд по штабу и побежал Миронова из радиорубки выковыривать.

– Ничего себе! Как же так можно – про целого полковника?!

Бывалый сплюнул и сочувственно посмотрел на Тагирова:

– Молодой ты еще! Дундук – скотина редкая, стукачей развел толпу. Как офицеры замечаются – сразу сказывается больным, запирается у себя в хате. Как ребята на отвальной нажрут – идут его искать, чтобы морду набить. Если бы не жена его, Ольга Андреевна, – так и дверь бы выломали. Ее уважают, не хотят расстраивать. Удивительных достоинств женщина! Такая вся... Эх!

Капитан попытался глазами, пальцами и вытянутыми в трубочку губами передать свое восхищение неведомой Ольгой Андреевной, но имеющиеся в его распоряжении художественные средства были явно недостаточны.

– Короче, сам увидишь. Ладно, докуривай да иди к Дундуку представляться. Главное – не перечь, какую бы пургу он ни гнал.

Дежурный жалостливо глядел, как Марат дрожащими руками поправлял новенькую портупею.

– Да не суетись ты! Изнасилование в голову неизбежно! Иди уже с богом!

И он перекрестил Тагирова брякающим коробком спичек.

* * *

Марат пытался идти помедленнее, но неотвратимо уперся в дверь с табличкой «Заместитель начальника базы по политической части полковник Сундуков И. А.».

Из-за двери послышался противный голос с истерическими интонациями:

– И вы мне тут не надо! Чтобы была готова ленинская комната к понедельнику! И пусть, что казарма не достроена. Солдату может быть негде спать, а почитать партийные труды должно быть где всегда! Вы там советский офицер или кем? Выполнить и доложить!

Трубка грохнула о телефонный аппарат. Марат вздохнул и постучал:

– Разрешите?

За столом сидел толстый полковник с нежно-розовой лысиной, резко отличающейся своим цветом от загорелого мясистого лица (все верно: лысина-то от солнца фуражкой прикрыта!). Мелкие глазки скользнули по Тагирову. Марат сглотнул (главное – не опозориться, курсантом не назваться!) и взметнул ладонь к околышу.

– Товарищ полковник, лейтенант Тагиров прибыл для дальнейшего прохождения службы!

Полковник продолжал не смотреть на Марата, отчего становилось очень неловко. Сложил газету «Правда» на край стола. Побарабанил сосисками пальцев. Раскрыл блокнот, начал в нем чиркать карандашом, резко захлопнул. Схватил газету и положил на противоположный край.

Тагиров переминался с ноги на ногу. Время даже не ползло, а будто выдавливалось еле-еле, как густая смазка из танкового шприца. Кашлянул.

Полковник воспрянул, тыркнул глазками.

– Кто здесь?

– Как же, доложил же... Я.

– Брусчатка от кремля!

Лейтенанту в голову ударила волна стыда. Он догадался, что подставился, но не понял, где именно.

Полковник, несмотря на изрядные габариты, резво вскочил, завизжав стулом, подбежал к Марату.

– Ты! Никакой! Не лейтенант! Ты – зародыш офицера, от так от! Тебя еще драть и драть по Ипатьевскому методу до морковкина загогого... веня! Я тут что – усатый нянь? Сопляков людьми делать? Мне некогда – у меня вот партийная конференция под носом! Пришлют всякое дерьмо, а мне разгребать! Здрасте-приехамши!

Тагирову казалось, что ему снится какой-то дурной, болезненный сон и никак не удастся сбросить это наваждение: бегающий вокруг грузный полковник, выкрикивающий пополам со слюнями бессмысленные, но очень обидные фразы. Нить размышлений замполита о его тяжелой судьбе воспитателя и никчемности данного конкретного лейтенанта очень быстро сбилась в уродливый запутанный клубок.

Наконец Сундуков устал. Пыхтя, прошел к своему месту, уселся и аккуратно переложил газету на середину стола.

– От так от! Понял, летёха?

– Так точно, товарищ полковник!

– Ну, вот и иди отсюда. И подумай, как будешь теперь с этим жить!

Ошарашенный Марат отдал честь, развернулся и покинул кабинет.

В полной прострации вышел на штабное крыльцо, автоматически отобрал у дежурного сигарету и глубоко затянулся.

Капитан сочувственно хмыкнул, молча достал еще одну, прикурил. Покосился на лейтенанта.

– И чего он тебе сказал?

– Я... Не понял я.

– Ну, это нормально. Дундук – он и есть дундук. Не бойсь, летёха, офицерам только первые двадцать пять лет тяжело, потом привыкаешь. Где остановился, в гостинице? Ну, тебя, скорее всего, к холостякам поделят. Есть у нас одна веселая квартирка, ха-ха! Вещи-то как допер?

Марат вытер потный лоб. Соображение медленно возвращалось в голову.

– А? Да я зимнюю форму багажом отправил. С собой только чемодан с конспектами.

– С чем чемодан, говоришь?

– Ну с лекциями. Из училища.

– Слушай, ты никому не говори тут, что вместо водки из Союза книжки с тетрадками ташил! Засмеют насмерть! Давай, летёха, удачи! Вон туда иди. Видишь казармы? Твой батальон по ремонту ракетно-артиллерийского вооружения.

Тагиров отправился в сторону аккуратно побеленных одноэтажных зданий барачного вида.

* * *

Командир батальона Юрий Николаевич имел интеллигентный вид, а речь его после перлов Сундукова ласкала барабанные перепонки и гладила мозговые оболочки.

– У нас, голубчик, специфика. Занимаемся серьезными техническими вещами – ремонтом и обслуживанием всего спектра вооружения, от минометов до ракет. Для начала, будьте любезны, пройдите к начальнику штаба батальона майору Морозову.

Романа Сергеевича Морозова в батальоне любили. Был он дядькой строгим и справедливым, своих начальникам не выдавал – драл самостоятельно. Великолепная выправка, будто вытесанное из камня лицо, холодные серые глаза – хоть сейчас на плакат «эталонный образец советского офицера». Роман Сергеевич ошарашил Тагирова сразу:

– А, комсомол! Сколько зенитных самоходных установок «Шилка» отремонтировал?

– Как это... Товарищ майор, я вообще-то политработник.

– Так и запишем: «нисколько». Давай, лейтенант, назови мне порядок регламентных работ на «Луне».

Растерянный Марат пробормотал:

– Я, конечно, знаю основные характеристики тактического ракетного комплекса «Луна», но работы чтобы...

– Ладно, молодой, не пугайся! Я тебе сразу даю понять: ты в нашем благородном ремонтном деле бесполезный балласт. Поэтому будешь загружен максимально работой с солдатами. С личным составом как? Озадачь его, иначе он озадачит тебя. Ну, и наряды, само собой. Семьи нет пока? Значит, нефиг дома болтаться, твой дом – казарма, гы-гы! Ну, а уж ответственным на выходные по батальону – святое дело!

– Так я ведь всегда готов, как пионер, товарищ майор!

– Ну, вот и славненько! Садись, чайку выпьем.

– Товарищ майор, разрешите? – в кабинет вошел блондинистый лейтенант. В руках он торжественно, как именинный торт, нес облезлую фуражку. На тулье были жирно написаны от руки две буквы – Д и З. Морозов заржал.

– Что, дождался часа освобождения, Воробей?

– Так точно, товарищ майор! Разрешите вручить?

– Валяй.

Лейтенант подошел к изумленному Марату и напялил ему на голову нелепую фуражку. Потом пожал руку и заявил:

– Пост «дзээ» батальона сдал! Ну, чего молчишь, салага? Говори, что принял.

– Это... Чего принял-то?

– Это – важный символ. Теперь твоя очередь исполнять обязанности «дежурной задницы», понял? Крайнего за все – ты самый молодой офицер теперь в батальоне, гы-гы! То есть: вечно дежурного, постоянно ответственного, первого кандидата в командировку. Что там еще? Военного дознавателя и еще всякая ерунда Так положено. Ну, чего – молчать будем?

– Ладно. Положено – значит, так и быть. Пост «дзээ» принял.

– Ну, вот и молодец! Вечером отметим – я проставляюсь. А то заждался тебя.

Марат был несколько озадачен. И капитан на станции, и этот лейтенант говорили, что уж очень его заждались. Выдающаяся интуиция подсказывала Тагирову, что ожидания эти лично для него – не праздничные. Скорее, наоборот...

Глава вторая

В начале славных дел

Я нашел ее на антресолях – огромную, помятую, надорванную по краям, в крошечных коричневых пятнышках мушиных делишек (бумага глянцевая, а мухи любят гадить на глянец, и я их понимаю). Свернутую в рулон карту мира 1987 года издания. Я расстелил ее на полу в гостиной и прижал томиками Достоевского края, норвящие скрутиться назад, в прошлое.

На половину планеты, спиной к набитым льдом полярным морям и задорному хохолку Чукотки, упираясь в Аляску, разлегся огромный розовый зверь – СССР. Длинная морда Камчатки раздвигает тихоокеанские воды, из простуженного носа капельками текут Курильские острова. Крепкая передняя лапа Приморья придерживает Китай; задняя, подкованная Кавказом, стоит на Турции и Иране. Огромное мягкое брюхо Средней Азии неоформленным бугром валится куда-то вниз, придавив Афганистан. Мощная задница приперла Европу к Атлантике. А маленький крепкий хвостик Кольского полуострова греется в остатках Гольфстрима, дружелюбно помахивая Финляндии.

Это – моя страна. Ее офицеры и солдаты служили, сражались, пили водку и влюблялись по всей планете – от джунглей Никарагуа до джунглей Вьетнама, от вылизанных немецких городков до кукурузных полей Мозамбика.

Что мы делали там? Ради чего проливали кровь? От кого я защищал два миллиона квадратных километров пыли и камней, столько же монголов, сто тысяч тонн саранчи и неизвестное количество тарбаганов (тарбаганы – это здоровенные степные суслики с симпатичными мордочками и карими глазами)?

Половина страны топила печки ворованными дровами и бегала по морозу в дощатый сортир, питалась одной картошкой и жила в бараках, чтобы белозубый старший лейтенант смог взбодрить ракету бессмертным «Поехали!» и оттуда, из ледяной бездны, подарить свою незабываемую улыбку нежно-голубой Земле. Потому что мы искренне любили их всех – обижаемую куклуксклановцами Анджелу Дэвис, безымянных ангольских негров и щуплых вьетнамцев, сбивающих то ли бамбуковыми копьями, то ли советскими ракетами громадные американские бомбардировщики.

Нам было не до личных удобств, когда в мире горе и угнетение. Мы строили коммунизм – не для себя, а для всего бестолкового человечества, не способного понять своего будущего счастья. И ради слезинки чужого ребенка, плачущего под бананом на берегу теплого океана, мы были готовы оставить без еды собственных детей. И сжечь к чертовой матери всю планету в атомном пламени.

Да, мы такие. Незванные спасители. Загадочные и непредсказуемые.

Для самих себя.

* * *

Лейтенанта Тагирова проводили в его собственный, общий с отсутствующим парторгом кабинет. Там густо разило коктейлем из запаха дешевых крепчайших сигарет и спиртного. Затхлая атмосфера действовала угнетающе, поэтому Марат с искренней радостью принял предложение Морозова познакомиться с расположением части.

Прошли по чисто выметенным асфальтовым дорожкам, мимо юных ухоженных топольков. Срезали путь через утоптанное пыльное футбольное поле без единой травинки.

Майор Морозов свое ремонтное дело явно любил и неожиданно интересно рассказывал о противотанковых ракетах и покалеченных горными дорогами гаубичных колесах, о захандривших станциях звуковой разведки и лазерных дальномерах... Особенно его увлекла зенитная самоходная установка «Шилка» – скорострельная четырехствольная пушка на гусеничном ходу, заболевшая слепотой радиолокатора.

– Ну, вот и пришли. Наша ремонтная зона.

Роман Сергеевич гордо показывал свежеекрашенные боксы, в которых брызгала искрами сварка и самозабвенно гудели фрезерные станки...

Бойцы и офицеры в черных комбинезонах деловито сновали с какими-то штуковинами в руках, спорили над заляпанными мятыми чертежами и волокли тяжелые железяки, корябая бетонный пол... Марат с завистью смотрел на потные, перемазанные маслом, но одухотворенные лица. Его собственные технические познания ограничивались сугубо прикладными вещами: на какую мандулу нажать, чтобы пушка выстрелила, и за какую фиговину дернуть, поворачивая танк. Так что придется постараться, чтобы авторитет здесь заработать.

Этот день добежал до густо-красного, в полнеба, заката, быстро сменившегося чернильной ночью. Лёшка Воробей заскочил за Маратом:

– Эй, комсомол, хватит над бумажками чахнуть! Забыл? Я сегодня даю торжественный ужин в честь нового «дэзэ», а без главного виновника мероприятие не состоится, хы!

Прошмыгнуть незаметно мимо штаба базы не удалось. На крыльце ждал посыльный:

– Лейтенант Тагиров! К полковнику Сундукову, срочно!

Марат, вздохнув, поплелся вслед за предвестником втыка. Воробей сочувственно помаhal рукой:

– Давай, комсорг, ни пуха! Будем тебя ждать – адрес знаешь. Возвращайся живым!

К удивлению и радости, вторая за сутки встреча с Дундуком прошла безболезненно. Полковник вручил Тагирову тяжеленный вещмешок и сообщил:

– От так от! Это доставишь в Дом офицеров, передашь лично Ольге Андреевне. Тут краски типа «гуашь», тушь и блокноты. Часовое время двадцать часов – в двадцать один ровно чтобы доложил о выполнении путем телефонной связи! Исполнять! А я поработаю еще три-два часа.

Марат волок мешок, медленно продвигаясь в сторону жилой зоны, и размышлял: в чем же будет заключаться работа замполита «еще три-два часа»? Газетку будет по столу перекладывать или разрабатывать передовые методы издевательств над молодыми офицерами?

* * *

Сидящий в холле Дома офицеров сержант появления Марата не заметил и продолжил, задрав ноги на тумбочку, читать «Историю философии».

– Где мне Ольгу Андреевну найти?

Наглый боец, вместо того, чтобы вскочить, отдать честь и подхватить у офицера тяжеленный мешок, вяло махнул рукой, указывая направление.

Тагиров дошел до маленького кабинета, ровно половину которого занимала дебелая тетя неопределенного возраста, грызущая сушки и громко хлюпающая чаем из граненого стакана. Эта необъятная свиноматка была похожа на Дундука, как родная сестра. Не зря замечено народом: «муж и жена – одна сатана».

– Ольга Андреевна, вам полковник Сундуков приказал вот это доставить. Краски конструкции «гуашь» и прочие канцтовары.

Тетя хрустнула целиком запиханной в рот сушкой и плавно повела пухлой рукой. Пробормотала набитым ртом, разбрызгивая обмазанные слюнями крошки:

– А мешочек на тубаретку поставь, у в том уголочку.

Марат начал продираться между теткинским столом и заваленным всякой всячиной стеллажом, цепляясь лямками вещмешка за стулья, когда сзади прозвучал низкий женский голос:

– Галя, хватит уже сушки лопать на ночь глядя, совсем за собой не следишь! Лейтенант, вы ко мне?

Ошибочно опознанная как жена Дундука Галя затрясла тройным подбородком и необъятной колыхающейся грудью:

– Та к вам, к вам, Ольга Андреевна! С рембазы хлопчик засланный!

Ольга Андреевна засмеялась, обнажив ровные влажные зубки:

– Галя, засланными бывают казачки. И он тебе не хлопчик, а офицер. Хотя и очень юный. Да, лейтенант?

Она стояла у двери, упершись восхитительным бедром в облупленный косяк. Заграничные обтягивающие джинсы, мелким бесом выющиеся волосы с рыжинкой, зеленые глаза и эта влажная улыбка – все в ней было нездешним, невозможно женственным, манящим и недостижимым.

Марат теперь понял, почему дежурный капитан на базе так и не смог сформулировать описание Ольги Андреевны. Для этого надо было родиться Боттичелли пополам с Набоковым.

Она снова сделала это – засмеялась. Будто высыпала горсть крупного жемчуга в гобийскую пыль.

– Выходите из ступора, мой лейтенант. Вы так и не ответили на вопрос. И как вас зовут?

Комсорг проглотил комок ржавой слюны. Слова столпились во рту, пихая друг друга, как школьники перед дверью строгого экзаменатора, – никто не хотел быть первым.

– Тагир... То есть Марат. Я. Комсорг батальона РАВ.

– Ну вот, уже имена путаете, ха-ха-ха! Значит, вы вместо капитана Миронова к нам? Это прекрасно! Галя, угости-ка нас чаем! И место мое освободи, будь любезна! Да, это Галина, она занимает очень важный пост дежурной по генеральскому этажу в гостинице. Ну же, лейтенант, не стесняйтесь, присаживайтесь! Вы – прямой наследник легендарного линкора? Ха-ха-ха!

* * *

Очумелый Марат перепутал дорогу и уперся в бетонную стену, огораживающую гарнизон. Тупо улыбался, пялясь в серую потрескавшуюся поверхность, как в киноэкран.

В голове бродил ее голос, память безнадежно цеплялась за ускользающий запах – сладковатый, но не приторный. Ольга Андреевна совершенно не походила ни на смешливых девчонок из Свердловского пединститута, ни на разбитных шалав из Читинского камвольно-суконного комбината. В небогатом донжуановском списке вчерашнего курсанта не было никого, подобного ей.

С балкона ближней пятиэтажки кто-то пьяно проорал:

– Люська, коза драная, вернись!

Тагиров вздрогнул и двинулся к дому Лёхи Воробья.

* * *

В подъезде не было света, и Марат на ощупь поднимался по выщербленным ступеням. На площадке третьего этажа зажег спичку и попытался найти нужную квартиру, но номеров, видимо, не успели нарисовать. Прислушался. Наверное, вот эта – оттуда доносились пьяный гул голосов и музыка.

Надавил на кнопку звонка. Ничего не произошло. Нажал посильнее – звонок всхлипнул, уронил последний гвоздик и повис на торчавшем из стены проводе.

Постучал костяшками пальцев, потом кулаком – никакой реакции. Плюнул, решил уходить и напоследок пару раз грохнул по филенке сапогом.

Дверь распахнулась, из квартиры хлынули яркий свет и шум застолья. На пороге стоял невысокий прапорщик – красные пятна на продувной роже, отстегнутый галстук болтается.

– Ну, че ломишься? Я здесь не продаю, хата не моя. Ходят, понимаешь. Страдальцы!

– Лёша Воробей здесь живет?

– А если и здесь, тебе че? Не успеют лейтенанта получить – уже бухать лезут! Иди служи, салага!

Это стало последней каплей, превысившей вместительные возможности чаши тагировского терпения. Марат скривил презрительную улыбку и рефлекторно включил «городского барина» – на гопников этот метод всегда действовал неотразимо.

– Милостивый государь, не соблаговолите ли напомнить, когда мы с вами успели столь тесно познакомиться, что вы позволяете обращаться со мной на «ты»? Может быть, вы кучеру нашему троюродный сынок? Или мы гадили с вами на соседних огородах?

Прапор остекленел глазами. Марат, развивая успех, сдвинул его вглубь прихожей, переступил через порог и продолжил вполголоса:

– Слышь, «кусок», ты себя не забывай. А то я внушу тебе основы субординации не вербально, а чисто физически.

– Ну ты, ну ты! Че ты? Ты кто такой вообще?

– Лейтенант Тагиров Марат Тимурович. Запиши. А то мозги пропил давно – память прихрамывает, небось?

Из пьяно гудящей комнаты раздался голос Воробья:

– Ну, кто там пришел? Вязьмин, ты там самогонкой барыжишь, что ли? Ленка, дай посмотреть, отстань!

Лёха в обнимку с хохочущей толстушкой-брюнеткой ввалился в прихожую.

– А, Маратка! Жив, слава богу! Познакомились уже? Это – Петька Вязьмин, наш батальонный начальник склада. Давай, разувайся. Ленка, хватит на меня вешаться, иди место гостю организуй!

Прапорщик пробормотал что-то неуважительное и, покачиваясь, ушел вслед за брюнеткой. Марат начал сдирать плотно сидящие хромовые сапоги.

– Лёха, а что это за кадр? Что-то про продажу бормотал, про страдальцев, я не понял ничего.

– Он самогонкой торгует, по-местному «чамбуром». Дело запрещенное, конечно, но очень востребованное. И денежное. Видимо, спьяну забыл, что не в своей квартире, и принял тебя за покупателя. Пошли – жаждали уже виновника торжества.

Народу было десятка полтора, стол уставлен разнокалиберными бутылками с мутным «чамбуром», вскрытыми консервными банками: жестяными – с колбасой и рыбой, стеклянными – с огурцами и прочими соленьями. Пьянка уже давно вошла в стадию, когда все громко говорят, но никто не слушает, поэтому Воробью пришлось постучать кулаком по стенке, чтобы привлечь внимание.

– Тихо! Господа офицеры, внимание! Представляю нашего нового комсорга, Марата. И отныне – «дежурную задницу» батальона! Выпьем за это!

Народ начал чокаться разнообразной посудой – от хрустальных стопочек до железных облупленных кружек. Марата усадили на шатающуюся табуретку, Лена выдала ему пиалу с самогоном, чайное блюдо вместо тарелки и вилку, потерявшую от старости пару зубцов.

Марат понюхал пиалу. Начштаба Морозов опрокинул рюмку, крикнул и похлопал Тагирова по плечу:

– Давай, комсомол! Глотай!

Зажмурившись и задержав дыхание, он влил в себя вонючую отраву. И запоздало вспомнил, что за сутки съел только маленький кусочек хлеба. В голове зазвенело, мир приобрел добрый вид. Майор нагнулся к Тагирову и доверительным голосом сказал:

– Это все Воробей жметесь, ешкин кот! Другой бы нормальной водки у монголов купил, а этот все экономит. «Чамбуром» господ офицеров травит, да еще самым дешевым. И консервами из пайка кормит – нет бы его Ленка толстозадая сварила чего-нибудь.

Роман Сергеевич пододвинул ему открытую банку.

– Поешь хоть, лейтенант. Лосось в собственном соку – в Союзе такого не увидишь. Чего так долго шел? Под Дундука попал?

– Да, я относил в Дом офицеров кое-что, Ольге Андреевне.

– Понятно. Ну, как тебе наша Графиня?

– Удивительная женщина. А почему «графиня»? – спросил Тагиров.

– Да она вроде дворянского происхождения, говорят. Ну, и выглядит соответственно, правда? Марат, скажи: ведь красивая?

– Никогда таких не встречал. Очень мне понравилась! – восторженно ответил лейтенант.

Прапорщик Петя прищурился, с трудом сконцентрировал взгляд на Марате.

– Ну оборзел, летёха! Подкатывает к жене начальника – совсем нюх потерял.

Марат не помнил, как вскочил, откинув табуретку, и врезал прямо в центр красной наглой морды. Вязьмин схватился левой рукой за нос, а правой начал шарить по столу, нащупывая колюще-режущее.

– Убью, салага! – верещал прапорщик.

– Иди сюда, «кусок»! – приглашал Тагиров.

На плечах повисли соседи по столу – поволокли на выход из комнаты.

Вслед грохотал Роман Сергеевич:

– Обалдел, Тагиров? А ты, Петя, заткнись!

– Он мне нос сломал! Я рапорт писать буду! – ныл пострадавший.

Марат стряхнул руки миротворцев, схватил сапоги и выскочил босиком на площадку.

* * *

– Ну ты даешь, комсомол! Чего так завелся-то?

Воробей догнал Тагирова уже на улице. Достал «Охотничьи» без фильтра, которые выдавали солдатам. Марат затаился, закашлялся.

– Лёха, ну и гадость! Чего ты ими травишься? Нормального курева не купить?

– Дорого получается, а эти я на халяву в роте беру, – гордо ответил Лёха.

Тагирова покорило, но он решил не озвучивать свое отношение к такой экономии. Черт его знает, что у них тут считается нормальным! Хотя сам бы он никогда не стал курить дерьмовые сигареты, отобранные у мальчишек-срочников.

– Лёха, я накосячил, конечно. Но этот Петя ваш тоже неправ. Как думаешь, напишет рапорт? – спросил Тагиров.

– Черт его знает! Я могу с ним поговорить, если хочешь.

– Поговори, пожалуйста. А то иметь залет в первый же день службы как-то неохота.

– Если делу ход дать – это не залет, это суд офицерской чести. Ладно, не кисни. Скажи: презервативы есть у тебя? – поинтересовался Лёха.

Расстроенный Марат не сразу понял Воробья:

– Чего?!

– Презервативы. Ну, гондоны. Есть?

– Откуда? А тебе зачем?

– Я погляжу, ты прямо на глазах тупеешь. Рановато начинаешь, лейтенант, – до полковника-то тебе еще служить и служить, ха-ха-ха! Провожу ликбез: берешь пакетик, разрываешь упаковку, достаешь, надеваешь...

– Да ну тебя! Просто к чему эту тему завел, не понимаю.

– Мои кончились два месяца назад, а здесь не достать. А залетать Ленке никак нельзя – она «чеками» получает...

– Погоди, погоди... Какие «чеки»? Кто получает? И при чем тут контрацептивы?

Лёха вздохнул. Снова вынул «ядерную» сигарету из нищенской пачки и продолжил:

– Ленка, жена моя, получает зарплату чеками «Внешторгбанка». Она в геологической партии работает, в бухгалтерии. Лучше не спрашивай, как я ее туда устраивал. А там по контракту беременеть нельзя. Тех, кто залетает, сразу в Союз переводят. Знаешь, сколько один рубль чеками в Союзе стоит? Лучше, конечно, в Москве или Ленинграде – там курс вкуснее и «Березок» полно...

– Пойду я спать, Воробей. Ничего не соображаю. Почему твоей жене нельзя рожать? Вы же молодые, в законном браке! Курсы какие-то, «Березки»...

– Иди, Марат. Не понимаешь – так и не надо, значит. До завтра!

Тагиров пожал руку и поплелся в сторону офицерской гостиницы, не веря, что этот бесконечный день наконец-то завершился.

* * *

Когда утром Марат ехал автобусом на рембазу, казалось, что все пассажиры плотно набитого «подкидыша» знают о ночном инциденте и смотрят на него осуждающе. Однако утренний развод и совещание офицеров прошли без упоминаний о сломанном носе прапорщика Вязьмина, который не вышел на службу.

Марат начал успокаиваться и вполуха слушал, как командир батальона обсуждает с ротными выполнение плана ремонтных работ. Юрий Николаевич говорил тихо, и его голос действовал на Тагирова усыпляюще.

– Комсорг! Толкните его кто-нибудь.

Марат вытаращил глаза. Надо же, заснул на совещании, придурок! Вскочил, уронил со стола фуражку, выкрикнул:

– Я!

Юрий Николаевич покачал головой:

– Ай-ай-ай, голубчик, ну что же вы? Спать на совещании офицеров – моветон! Я понимаю: молодость, соблазны, ну вы все-таки рассчитывайте силы, чтобы и на службу хватало. Повторю – ваш... э... партийно-политический вдохновитель полковник Сундуков прислал распоряжение. О проведении комсомольских собраний по обсуждению решений пленума Центрального комитета... Словом, каких-то вам известных решений. А у нас планы ремонта горят- не успеваем. Я вас очень прошу: найдите разумный выход из сложившегося положения. Ибо много времени выделить на исполнение этого несомненно важного распоряжения я не смогу, увы.

– Так точно, товарищ полковник! А сколько часов будет выделено?

Юрий Николаевич кашлянул и посмотрел на Морозова. Тот кивнул и взял слово:

– Да нисколько, комсомол! Нам не до болтовни... не до собраний, понимаешь? Как там у вас проверяют выполнение? Бумажки смотрят? Вот и обеспечить. А Дунд... Кхм... А Сундукову доложишь, что все собрания прошли, как он и распорядился. Что непонятно?

Тагирову пока было непонятно абсолютно все, но он автоматически ответил:

– Так точно, все понятно! Проведем. То есть напишем. Соберу комсorghов взводов и рот – напишут протоколы, проинструктирую.

– Ни хрена ты не понял, лейтенант! Не дам я тебе комсorghов для этого – они все на работах заняты. Сам перышком скрипи. Садись.

– Есть.

Марат сел, лихорадочно подсчитывая в уме: шестнадцать взводов, пять рот. И батальон еще. Ничего себе работка! Морозов закончил совещание:

– Сегодня и в субботу работаем до девяти вечера. Перерывы на обед и ужин – максимум полчаса.

Кто-то из ротных вздохнул:

– Народ и так уже с ног валится. Отдыхать-то надо хоть немного? Меня уже ребенок не узнает – пугается, когда видит. Ухожу на службу – темно, прихожу домой – темно... Всю неделю – в роте. Если бы в Союзе – давно жена сбежала бы к теще.

– А вот комсомол у нас ответственным будет по батальону в воскресенье – освободит вас на сутки для семейного отдыха. Так, Тагиров?

– Так точно! Конечно.

– Ну, вот и славненько! Все свободны.

После совещания Воробей отвел Тагирова в сторону:

– Я хорошей новостью: переговорил с Петькой Вязьминым. Семьсот.

– Не понял. Чего «семьсот»?

– Тугриков, чего же еще. Отдаешь мне – я ему передам, а он рапорт не пишет на тебя.

Марат растерялся. Он впервые слышал, что конфликты между своими решаются финансовым путем. Ну, извиниться, поляну накрыть – это понятно. Но чтобы деньгами?

– Лёха, тебе спасибо, конечно. Только у меня бабок нет вообще. А когда получка? И сколько мне дадут?

– Получка шестнадцатого числа. Тебе дадут около тысячи тугриков. Понял?

* * *

Старший лейтенант Серёжа Викулов был личностью, известной на всю 39-ю армию. В отличие от коллег-офицеров, он заканчивал политехнический институт, а не военное училище. В каждой студенческой группе есть такой – тихий, долговязый, несуразный очкарик, у которого всегда найдется нужный конспект. Одиночкой его не назовешь: вроде бы и в коллективных пьянках участвует – вон сидит в уголочке, цедит весь вечер свои полстакана портвейна, пьяненький уже после первого глотка. Если нужен гонец-доброволец за добавкой, то он всегда вызывается, но одного отправлять нельзя – обязательно деньги потеряет, или на гопников у магазина нарвется, или поскользнется и упадет на обратном пути и разобьет к чертовой матери все бутылки до одной. Неудачник-хроник. И никому дела нет, что у него в голове, каких тараканов он там выращивает...

Серёжа зачитывался книгами про войну, знал структуру Конногвардейского полка образца 1816 года и что сказал Мюрат маршалу Нею при переходе войск из Генуи в Верону. В горячечных мечтах он карабкался по заляпанной грязью броне командирского танка, чтобы повести свою колонну на Берлин... Нечему удивляться, что после окончания института он оказался в армии в качестве двухгодичника – «пиджака». Серёжа во время больших учений заблудился в монгольской степи со своим танковым взводом и нечаянно выехал на штаб дивизии «противника», условно тем самым его уничтожив, принеся победу своему начальству и медаль «За боевые заслуги» себе. Окрыленный успехом, Викулов написал рапорт о продолжении службы, и руководители отказать героическому Серёже не имели права. Един-

ственное, что удалось сделать командиру полка, – добиться перевода ходячего победоносного недоразумения подальше от танков.

А в рембате Викулов более-менее прижился. Никто лучше него не разбирался в запутанной паутине электрических схем; паяльником он владел, как хороший художник – кистью. С Тагировым они сошлись быстро – видимо, на почве увлечения военной историей. Хотя и другой вариант возможен: один – молодой лейтенант, которого все гоняют почем зря, второй – странноватый «пиджак», не способный поставить солдата на место...

В тот сентябрьский вечер они сидели в пустой ленинской комнате и до кровавых соплей спорили о роковой битве при Ватерлоо, рисуя кривые квадратики и стрелки на обрывке ватмана. Они не заметили, как в комнату вошел майор Морозов. Постоял, вслушиваясь, усмехнулся:

– Вот за что нашему батальону такое наказание, а? В Генеральном штабе маршалов не хватает, а тут – целых два! Вам заняться нечем, полководцы задрипанные? Викулов! Завтра приходит ракетная пусковая установка «Точка» на регламентные работы – ты техническое описание получил в секретной части, изучил?

Серёга растерянно захлопал глазами, промямлил:

– Там это... Не выдает секретчик, говорит: здесь читай, а то еще проср... То есть поте-ряешь, говорит.

– Правильно говорит – я тебе не то что секретные бумаги, я бы тебе пуговицу пришить не доверил! – Роман Сергеевич перевел разъяренный взгляд на Тагирова: – А ты, комсомол? Вижу, хорошо тебе в политработниках – ни фиги делать не надо. Вот и иди сейчас со своим чокнутым корешем, принимай у него роту молодого пополнения! А то он уже взвод распустил, работу в роте молодых завалил, осталось только ракету сломать – и трибунал гарантирован. Шагом марш отсюда оба!

Несостоявшиеся военачальники ломанулись из ленкомнаты, как свита Наполеона от казаков атамана Платова.

* * *

Батальонный развод – в восемь часов утра. Марат заранее привел свои полсотни «молодых», выстроил на левом, непочетном, фланге. Оставил за старшего сержанта Примачука, вразвалочку подошел к курящим в сторонке ротным. Не спеша пожал жесткие руки, протянутые, как равному. Его распирало чувство сопричастности к тяжелой командирской судьбе, гордой принадлежности к обществу опытных волков-офицеров. Понимая кивал на жалобы комроты-два про пропавшее постельное белье; сочувственно поддакивал, осуждая расписание нарядов.

Из штаба выскочил майор Морозов и быстрым шагом направился к центру плаца. Офицеры порскнули по своим местам.

– Батальо-о-н! Равня-яйсь! Сми-rrp-но! Равнение на-пра-во!

Грохоча подкованными сапогами, встретил идущего не спеша Юрия Николаевича, доложил. Командир батальона вяло махнул рукой («Вольно»). Выслушал по очереди доклады командиров рот и отдельных взводов (Марат страшно волновался, но ничего не перепутал и доложил правильно). Тихо поставил задачу на день, потом вопросительно глянул на Тагирова:

– Ну что, голубчик? Вы хотели что-то сказать батальону?

– Так точно, товарищ подполковник! Как комсорг.

– Кхм, ну хорошо. У вас пять минут.

– Успею. – Марат повернулся к строю. – Товарищи комсомолыцы!

Пять сотен пар глаз уставились на лейтенанта. Тагиров, подавляя смущение, продолжил:

– Мы сейчас проведем общее комсомольское собрание. На повестке дня – один вопрос: материалы сентябрьского пленума Центрального Комитета коммунистической партии – в жизнь. Мы все, как один, поддерживаем решения КПСС. Кто против?

Марат замолчал и внимательно взгляделся в остолбеневший строй. Диссидентов не наблюдалось.

– Значит, единогласно! Собрание объявляю закрытым. – Тагиров обернулся к ошеломленному командиру батальона и кивнул головой. Все офицеры таращились на Марата со смешанным выражением восхищения и удивления. Первым пришел в себя начальник штаба:

– Равняйся! Смирно! Развести подразделения по местам работ и занятий. Старшины рот – командуйте.

Роты попылили по своим делам. Морозов протянул Тагирову руку, покрутил головой:

– Ну, ты виртуоз, поздравляю! В тридцать секунд всю партийно-политическую работу уложил. – И заботливо поинтересовался: – А от Дундука не нагорит?

– Не должно. Собрание проведено в строгом соответствии с повесткой, голосование было. У солдат спросит – ответят. – Тагиров вздохнул. – По крайней мере, я на это надеюсь.

Роман Сергеевич хотел что-то добавить, но осекся. Через плац бежал прапорщик Петя Вязьмин, размахивая руками. Кто-то из ротных тихо сказал:

– В первый раз за три года вижу, чтобы он бегал! Что-то случилось: либо недостача гуталина, либо третья мировая война.

Начальник склада продышался и прохрипел:

– Там, на складе... Хан повесился.

– Толком говори: какой еще хан? Золотая Орда на склад напала? – Морозов схватил прапорщика за грудки, потряс. – Откуда там ханы? Ты пьяный, что ли?

Голова Вязьмина болталась, слюна из приоткрытого рта стекала на щеку.

– Сержант Ханин. Кладовщик мой. Повесился, – наконец-то выдал прапорщик.

Морозов отпустил несчастного – побагровевший Вязьмин выдохнул. Начальник штаба снял фуражку, сплюнул:

– Ну, дела! Не было печали... Тагиров! Ты же у нас военный дознаватель? Иди в штаб, звони прокурору гарнизона, вызывай сюда. Потом зайди в медпункт, заведи врача – и на склад. Я сам туда пошел, лейтенант Воробей – за мной. Викулов, Ханин в твоём взводе числятся? Тоже пойдешь. Остальные офицеры – по своим подразделениям. Давайте, давайте! Работайте. Вы что, висельников не видели?

Военный прокурор гарнизона майор Пименов – длинный, худой, с грустным лицом философа – воспринял чрезвычайное происшествие равнодушно: ну, повесился боец срочной службы, подумаешь! Молодежь вообще хлипкая пошла: чуть что не так – вешаются. Чтобы застрелиться – это надо в караул пойти, а для резки вен в армии катастрофически не хватает ванн и горячей воды, так что только вешаться! И не возражайте мне, веревочку взяли, мыльце – и вперед, не задерживайте!

Прокурор обошел висящее на капроновом зеленом шнуре тело, аккуратно обогнул упавшую далеко табуретку. Шумно втянул воздух: на складе сильно пахло горелой бумагой. Кивнул:

– Снимайте. Воробей, ты будешь бумажки оформлять?

Лёшка отрицательно покрутил головой:

– Нет, товарищ майор, у нас дознаватель новый, лейтенант Тагиров. – и выпихнул растерянного Марата пред очи гарнизонного Пинкертон.

– Ну что ж, будем знакомы. Оформляйте протокол осмотра места происшествия, потом с медициной поезжайте на вскрытие. Проведите изъятие всех личных вещей покойного –

тут и в казарме. Сделайте опись. Завтра жду к четырнадцати часам – с описью, протоколом и актом вскрытия. Откуда жженым несет?

Прапорщик Вязьмин услужливо показал на грязное ведро в углу:

– Оттуда... Письма жег, похоже.

– Понятно. Предсмертная записка где? Ума, надеюсь, хватило не трогать? Вот и хорошо. – Майор приблизился к столу, нагнулся над белым листком. – Лейтенант! Который дознаватель, сюда подойди. Забирай – приобщишь к делу.

Тагиров давно порывался сказать, что он никогда не был военным дознавателем. И сейчас все в нем кричало: «Люди! Как вы можете так равнодушно на все это смотреть, говорить про какие-то бумажки – ведь ЧЕЛОВЕК УМЕР! Мечтал, любил, собирался на дембель – и тут такое. Очнитесь, люди, пожалейте хоть немножко его!»

Но первый месяц офицерской службы уже многому научил Тагирова – тот только кивнул и приступил к изучению белого листка из тетради в клеточку. Крупными печатными буквами там было написано: «В моей смерти прошу никого не вешать Наташка сука сержант Ханин». Именно так – без знаков препинания и с ошибками.

Тагирову вдруг стало пронзительно жалко этого пацана, который ушел глупо и внезапно, оставив после себя только безграмотную записку. Было душно от запаха горелой бумаги и посмертной дефекации. Марат почти оттолкнул прокурора, с трудом отжал дверь склада и выскочил на улицу. Достал сигареты, кивнул бледному Викулову, сочувственно спросил:

– Ну чего, полегчало?

Сергей пожал плечами, посмотрел затравленно на Марата, ожидая насмешки:

– Не могу на мертвых смотреть – выворачивает.

Подъехала «буханка» – медицинский «уазик». Вылезли два хмурых бойца с носилками. Марат показал рукой на широкую дверь склада:

– Сюда давайте.

Прокурор попрощался, напомнил Марату о завтрашней встрече и ушел с Морозовым, что-то обсуждая на ходу. Тело Ханина занесли в «уазик», Тагиров запрыгнул вслед за врачом, махнув рукой на прощанье. Гремя ключами, мрачный прапорщик Вязьмин закрыл и опечатал склад, ушел по своим делам.

Серёжа Викулов продолжал стоять, прислонившись к дощатой стене. И продолжал бормотать то ли извинения, то ли проклятия кому-то.

* * *

На следующий день ровно в два часа вымотанный Марат доставил прокурору результаты суточного труда – серую картонную папку с бумагами по делу и вещмешок с личными вещами сержанта Ханина.

Майор Пименов просмотрел материалы, в вещмешок даже не заглянул. Довольно кивнул:

– Ну что – молодец, лейтенант, оперативно сработал! Бумаги заполнены правильно. Еще характеристику принесешь от командира взвода – и можно дело закрывать. Тут все понятно. Резкий запах алкоголя, никаких посторонних повреждений... Самоубийство на почве несчастной любви под воздействием опьянения. – Майор поднялся, протянул руку. – Спасибо, буду начальнику рембазы звонить, просить о твоём поощрении. Пойду в столовую – составишь компанию?

Марата передернуло, кислая слюна заполнила рот:

– Спасибо, я есть не могу со вчерашнего. Как о еде подумаю – человеческие внутренности мерещатся.

Пименов хохотнул:

– Тогда не настаиваю. Ну ничего, и через это надо пройти – привыкнешь. Давай, лейтенант, до встречи, – и зазвенел ключами, закрывая сейф.

Тагиров вышел на улицу, потопал по раскаленному асфальту в сторону своего дома. Хотелось помыться, уже в третий раз за сутки.

Марат не решился поделиться с прокурором своими сомнениями. Служить сержанту Ханину оставалось месяц-полтора. Неужели не мог потерпеть совсем немного и уже на месте разобраться с неверной девчонкой, расставить точки над «i»? И что-то не так было с посмертной запиской.

А с другой стороны, Тагирову больше всех надо, что ли? Пименов – стреляный воробей. Может, у него этих самоубийц – по пучку в месяц, и все с прибабахом. Другие-то и не вешаются, верно?

Но мрачные мысли не отпускали, и особенно изводило чувство, что Тагиров чего-то не понял, не увидел явного. Задумавшись, он толкнул дверь хозяйственного магазина – надо было пополнить запас мыла, изведенный после яростного мытья. Прищурился, зайдя в прохладный полумрак.

И сразу услышал ЕЕ смех. Ольга Андреевна стояла у прилавка и болтала с продавщицей. На ней было легкомысленное летнее платье, открывавшее покрытые нежным загаром плечи, и какие-то несерьезные шлепанцы на стройных ножках, больше подходящие для восьмиклассницы на курорте, а не для супруги грозного полковника в гарнизоне.

Продавщица заметила Тагирова, спросила:

– Вам чего, молодой человек?

Ольга Андреевна оглянулась, радостно всплеснула голыми тонкими руками:

– Ой, это же мой лейтенант! Вот, Раечка, рекомендую: весьма незаурядный юноша, и приятный во всех отношениях.

Раечка двусмысленно хохотнула:

– Так уж и во всех? Уверены, Ольга Андреевна?

Теперь они смеялись вдвоем, а Марат тупо молчал, краснея. Забыв, зачем он приперся в этот магазин, и чувствуя себя очень неловко.

– Ну вот, вогнали мальчика в краску, ай-ай-ай! – продолжая смеяться, Ольга подхватила Тагирова под руку. – Мы пошли, Раечка. Вы же меня проводите, лейтенант? Возьмите эту сумку.

Марат шел по улице, кивая на ее щебетание, и страшно боялся не подстроиться под легкий шаг.

– Вот мы и пришли, мой лейтенант. Спасибо. Вы опять в каких-то своих мыслях, и меня совсем не слушали. Ну что же вы? Возвращайте мне пакет – он не ваш.

Марат покраснел, неловко подал сумку, чуть не уронив. Решился и спросил:

– У нас чрезвычайное происшествие: сержант жизнь покончил самоубийством. Девушка ему изменила, а он не стал ждать встречи, всего месяц надо было потерпеть... Как вы думаете: это естественный поступок? Мне важно ваше мнение, я хочу разобраться.

Ольга Андреевна перестала улыбаться. Посмотрела на Тагирова как-то странно: грустно и, кажется, оценивающе.

– Глупый вопрос, лейтенант! От вас такого не ожидала. Любовь иногда не то, что месяц не может подождать, для нее и минута – невыносимый срок. Если она, конечно, настоящая. Вот у вас в жизни была такая настоящая любовь, лейтенант? Чтобы навсегда и немедленно? А потом – хоть гибель, хоть тюрьма, хоть позор – все одно? Ну, чего же вы молчите?

Марат чувствовал, что сейчас он должен сделать или хотя бы сказать что-то безумное. Но вместо этого промямлил:

– Конечно. А как же? Была, да. Любовь. Даже не один раз.

– И зачем вы врете, лейтенант? Вам не идет.

Развернулась и пошла. В развевающемся белом платице, которое ничего не скрывало.

* * *

Марат еще в августе переехал из гостиницы в «веселую квартирку» – коммуналку для холостяков. Состав жильцов часто менялся, ремонт никто не делал, но все равно там было бы лучше, чем в общежитии. Тагирову повезло: ему досталась крошечная, в восемь квадратных метров, зато своя комнатка. И даже с мебелью: от предшественника остались солдатская железная койка, привычная еще с военного училища, вполне приличный шкаф и полуживой стул. В комнате побольше жили два лейтенанта из бронетанкового ремонтного батальона, уже второй месяц торчавшие в командировке в далеком городе Чойболсане. А самая большая, где стояли диван и двухъярусная кровать, вообще пока пустовала: сосед, лохматый ракетчик, уехал на стрельбы в Капустин Яр, в Союз. Так что Марат неожиданно оказался единоличным жильцом хоть и ободранных, но просторных «апартаментов».

Он долго тер себя мочалкой, используя последний кусочек мыла. Стоял под скудным, еле теплым душем. Прошел в свою комнату, достал из планшета машинописные копии бумаг, переданных прокурору. Перечитал опись личных вещей сержанта Ханина, хотя и так помнил ее наизусть – список был недлинным.

Начатый «дембельский альбом». Каждый отслуживший имеет такой – мутные любительские фотографии с однополчанами, дурацкие стихи, вырезки из армейских газет. Ханин еще несколько дней назад не собирался вешаться, а наоборот, предвкушал окончание службы и счастливую жизнь на гражданке. Чтобы устроиться на работу, жениться, нарожать детишек. И раз в году, на 23 февраля, доставать этот альбом, показывать соседу или подростку сынишке. Снова рассказывать затертые байки... «Кто не был – тот будет, кто был – не забудет 730 дней без родных, без друзей».

Автоматный патрон. Многие после стрельб такие припрятывали, чтобы просверлить дырку в пуле и повесить на шею. Этаким brutальный сувенир из армии, «последний патрон». Мода на них пошла из Афгана. Ничего особенного.

Мятый листок с сигаретную пачку. На одной стороне – отпечатанная в типографии «опись боеприпасов. Гранатный ящик №, (заполнено от руки, «988»), гранаты РГД-5, количество штук – 12». Видимо, этот листок на складе Ханин подобрал: на обратной стороне карандашом торопливо были набросаны строчки:

*И некого теперь винить,
Что хочется тебя любить,
И мне опять волнует кровь
Твоя горячая любовь.*

Чушь какая! Мальчишки стараются, пишут дурацкие стихи. Потом шлют своим прыщавым Дульсинеям или переписывают в «дембельские альбомы».

Каптер роты передал Марату вещи сержанта, хранившиеся в кладовой: новенький чемодан искусственной кожи, хороший спортивный костюм и кроссовки, какие-то монгольские сувениры. «Дембельское приданое».

Ничего особенного, и никаких оснований идти к прокурору и просить не закрывать дело.

Тагиров выругался вслух. Пошел в ванную, чтобы отнести мокрое полотенце, толкнул дверь и замер на пороге: в нос ударил резкий запах спиртного. Щелкнул выключателем, огляделся.

На потолке расплывалось бурое пятно, вниз срывались жирные темные капли, и их становилось все больше. Марат поймал одну в ладонь. Понюхал, лизнул; сплюнул, скривившись. Привкус спирта чувствовался вполне явственно. Что бы это могло быть? Сосед сверху, прапорщик Вязьмин, изволит ванную с шампанским принимать, шалун?

Лейтенант, чертыхаясь, оделся и пошел разбираться.

* * *

Дверь открыл расхристанный Петя. Покачнулся, молча пропустил Марата в квартиру. Прилип к косяку, не в силах оторваться. Тагиров распахнул дверь в ванную и остолбенел.

Грязнуций пол был заставлен огромными жестяными банками из-под томатной пасты, опустошенными и еще нетронутыми. Ванна наполовину заполнена какой-то пузырящейся гадостью, стиральная машина надрывно гудела центрифугой. А воздух насыщен алкогольными испарениями так, что его можно было разливать по стаканам.

Марат, матерясь, выскочил в коридор, прошел на кухню. Там на газовой плите гудел огромный самогонный аппарат, из медного змеевика капала в кастрюлю мутная жидкость. На столе и под столом стояли десятки разнокалиберных бутылок – уже наполненных и прикрытых крышками из синей бумаги, перевязанной черной ниткой, и пустых, ждущих своей очереди.

Процесс производства был в самом разгаре.

Тагиров выключил газ, вернулся. Схватил Вязьмина за плечи, начал трясти. Прапорщик глупо хихикал, голова моталась из стороны в сторону. Видимо, знатно надегустировался, контролируя качество продукта.

– Это что за хрень тут у тебя, Петя? – орал лейтенант. – Почему у меня с потолка льется какое-то дерьмо?

– Ну че ты, че ты? Нечаянно я. Ведро браги на пол пролил, когда в цетри... центри... Ик. В машинку заливал!

– Зачем в стиральную машину брагу заливать?! Отстирываешь, что ли? Совсем чокнулся – белочка к тебе пришла?

– Не скажи-и-и, – Вязьмин заговорщицки подмигнул. – Хитрость такая – бражку в центер... фуге. Гонять. Ик. Быстро доходит. За три часа! – Прапорщик оттолкнул Марата, самостоятельно обрел вертикальное положение и строго сказал: – Народ, он что? Он ждать не может. Если выпить хочет – так прямо сейчас. А у меня – готово! Ик. Я про народ забочусь, ночей не сплю. Как раб. Ик. На галереях!

– На галерах, – автоматически поправил Тагиров. – Иди пол в ванной вытирай, чтобы у меня не капало! Или я тебя прямо в твоём полуфабрикате утоплю.

Марат захлопнул дверь, сбежал по лестнице. Самогонование – дело подсудное. Но такие, как Петя, людей на самом деле выручают: в военных гарнизонах – строжайший сухой закон, торговля спиртным запрещена. Начальники и прокуроры глядят на эти шалости сквозь пальцы, ибо сами «чамбуром» спасаются. А вообще – противно это все. У прапорщика солдат погиб, а ему хоть бы хны – самогонку варит!

* * *

В монгольской двухэтажке хозяин квартиры утихомиривал гостя:

– Чего ты паникуешь? Пока все тихо. Я бы знал, если разнюхал кто.

Русский уже совсем опьянел, но водка его не успокоила. Наоборот, он был на грани истерики:

– Вот именно, что «пока»! А если бы я не успел с этим сержантом? Кто же знал, что он, сволочь, прознает? Шантажировать начал, скотина!

Монгол положил руку на погон, успокаивая:

– Все хорошо ведь кончилось, да? Больше проколов не будет. Пока не будем торопиться. Потом, когда успокоится все, продолжим...

Русский сбросил руку с плеча, закричал, чуть не плача:

– Ни хрена не буду я продолжать! А если ревизия вдруг внезапная? Если вся недостача всплывет – я чего делать буду? Я один не собираюсь чалиться: и тебя заложу, и всех!

Хозяин терпеливо вздохнул.

– Ничего там не всплывет, если с умом сделаем. Может ведь склад и сгореть случайно, так? Да мало ли что. – Монгол продолжал вкрадчивым, проникающим в самую душу голосом: – С оружием повременим. Тут для тебя сюрприз. Партия китайского жемчуга пришла. Очень дешево отдам. Считай, бесплатно. Скоро совсем богатый станешь – справку себе купишь, из армии комиссуешься. Бабу свою оденешь, как принцессу. Сам заживешь, как король! Или как кооператор!

Русский кивал, глотая слезы пополам с водкой.

* * *

Вечером Марат повез на дежурной машине до железнодорожной станции «груз двести» – гроб с телом сержанта Ханина. Старшим сопровождения отправили Викулова. У перрона остановились. Бойцы, кряхтя, с трудом выволокли тяжеленный деревянный ящик из грузовика и потащили в сторону багажного вагона.

Постояли, покурили. Марат кивнул на огромную упаковку из-под японского магнитофона, стоящую возле Серёгиных ног:

– А это что? Неужели двухкассетником разжился?

Викулов пожал плечами, отвел взгляд.

– Не, это так. Просто коробка. Тут надо довести, в смысле передать...

Тагиров почувствовал то ли фальшь, то ли смущение в Серёгиных словах, прервал неприятный разговор:

– Ладно, удачно добраться! Держись там.

– Да уж, «держись». – Викулов нахмурился. – Что я матери его скажу? Эх!

Серёга махнул рукой, привычно ссутулился и побрел к вагону.

* * *

– От так от, товарищи политработники! Партия – оно что? Оно – ум, честь и совесть нашей эпохи! А у вас – ни ума, ни фантазии.

Дундук замолчал, высморкался прямо на пол кабинета, прижав ноздрю толстым пальцем. Сверкнул злобными глазками на полтора десятка офицеров и продолжил:

– Два взводных из ремонтного батальона приволокли монгольскую проститутку в общежитие. Это как так понимать? Она же представитель братского социалистического народа. А вы, вместо того, чтобы братьев защищать от китайских агрессоров, их имеете! За деньги!

Марат не выдержал и захихикал. Остальные тоже начали прыскать в кулаки. Полковник Сундуков аж захлебнулся от такой наглости, закашлялся. Сплюнул, заорал еще натуужнее:

– Тагиров! Встать! Ты чего ржешь? У тебя комсорги взводов вешаются в пьяном виде по складам, а ты?! Прокурор его хвалит, ишь! Расследование он провел. Может, ты подчиненных сам вешаешь, чтобы тебя Пименов похвалил, а? Садись.

Ошарашенный Марат опустился на стул. Замполит продолжил:

– Товарищ контрразведка приходил. Очень сложная ситуация, очень! Монгольские друзья начали подрывную деятельность, всякие демократические организации придумывают. Так что бдительность, товарищи! Никаких половых контактов с местным населением, а только правильные, политические и воспитательные!

Раздался тихий стук, в дверь просунул голову взмыленный посыльный. Подойдя строевым шагом к полковнику, он долго не мог отдышаться, разевая рот и тараща глаза на грозного начальника.

– Ну чего тебе, боец? Чего пыхтишь – забыл, что сказать хотел?

– Товарищ! Полковник! Тама... Кольцо!

– Ты это, воин, объелся белены? Сталинградская битва, что ли? Какое еще кольцо?

Солдатик испугался окончательно и забормотал:

– Дежурный послал вас искать... Объявлена операция. «Кольцо».

Сундуков сразу посерьезнел, начал говорить рублеными фразами:

– Так, немедленно в парк – там командиры батальонов, вызовешь в штаб. Дежурному – общее построение базы через пятнадцать минут, прекратить все работы и занятия. Выполняй.

* * *

Операция «Кольцо» означает, что надо окружить местность, прочесать, поймать искомого и предъявить пред ясные очи начальства. В дислоцированной на территории МНР 39-й армии дезертиры встречались реже, чем где-либо. Во-первых, все части – боевые, и постоянно то на учениях, то на занятиях. У солдата времени нет о всяких глупостях думать, да и до издевательств над молодыми у «дедушек» руки реже доходят. А во-вторых, в пустыне особо не разгуляешься. У монголов самым строгим образом заведено: увидел в степи чужака – скажи во весь опор в ближайшее отделение милиции, докладывай. Иначе – и самому тюрьма, и баранов в казну заберут. Хотя если дезертир как-то незамеченным доберется до юрты и попросит приютить, то вечный, как пустыня, закон гостеприимства потребует от аборигенов его принять, накормить и всячески защищать от врагов и властей.

Об этом и разговаривали Тагиров с Воробьём, мотаясь в кабине «Урала». По команде «Кольцо» сборную команду из сорока бойцов вооружили, экипировали, посадили в два грузовика и отправили маленькой колонной в степь. Дорогу показывал идущий впереди потрепанный «газик» монгольской милиции.

Марат чувствовал возбуждение – такое же, наверное, какое испытывали его предки, готовясь к грандиозной ханской охоте. Воробей тоже улыбался во весь рот и травил бесконечные байки:

– Уже четвертое «Кольцо» за два года. В первый раз мы даже доехать не успели, развернулись с полпути – беглецов в котельной взяли в гарнизоне. Они, оказывается, и не убежали никуда, прямо в части прятались. Вот во второй раз труднее было. Двое суток ползали по степи, зимой, в самую холодрыгу. Солдат ушел с оружием – паника до самого верху. Намерзлись, как цуцики! Степь черно-серая вся, без снега, а он в шинели – как разглядишь? Один раз все до гарнизона прочесали, потом второй. Вот со второго раза обнаружили. Залез в яму какую-то да и замерз насмерть. А мы, как дураки, все ноги оттоптали. У меня два бойца серьезно обморозились, в госпитале потом лежали. Одному все пальцы на ногах ампутировали.

– Трындец, считай калекой стал из-за уroda! А в третий раз когда?
Воробей засмеялся.

– Там вообще кино и немцы! Недавно совсем, в июне. Приезжает в гарнизон монгольский милицейский капитан – тот самый, что в «газике» едет, Доржи. И говорит, что араты видели в степи советского офицера, идущего на юг, в сторону Китая. Мол, дайте сопровождающих, чтобы задержать. Проехали семьдесят километров и видят картину: солнце палит, полдень. Посреди пустыни вышагивает тип в парадной офицерской форме: золотые погоны, медальки болтаются, в руке – дипломат. Полный сюрреализм! Наши друг на друга смотрят: вроде с утра не пили – с чего галлюцинации начались? А это оказался начфин пехотного полка. В дипломате – сапожная щетка и журнал «Веселые картинки». Как он без воды столько на жаре отмахал – черт его знает! Короче, с ума сошел. Его вертолетом в Читу. Лечится теперь. Приехали, вроде?

Небольшой бивуак состоял из развернутой уже радиостанции и десятка разнокалиберных машин.

Монгольский «газик» остановился, из него вылезли туземец в милицейской форме и Морозов. Пока бойцы строились, Тагиров и Воробей подошли к командирам. Разговор явно был непростым. Роман Сергеевич морщил лоб. Ему что-то тихо говорил холеный капитан с красными петлицами, рядом топтался здоровенный дядька в непривычной пятнистой форме без знаков различия. Монгол стоял несколько в стороне, всем своим видом демонстрируя отстраненность.

Воробей дернул Марата за рукав и прошептал на ухо:

– Тут серьезный замут какой-то. Капитана видишь? Гарнизонный особист, Мулин.

– А в камуфляже кто?

– Хрен его знает, вижу в первый раз.

Контрразведчик прервал разговор:

– Подойдите сюда, товарищи лейтенанты. Вы поступили в мое распоряжение на время выполнения операции «Кольцо». В этом районе в квадрате примерно десять на десять километров обнаружена разведывательно-диверсионная группа противника. Предполагаемый состав – три человека, но они, скорее всего, будут действовать поодиночке. Вооружены. Ваша задача – развернуться цепью и прочесать местность в указанном направлении. При обнаружении следов, непонятных предметов, чего-либо необычного – немедленно останавливаться и вызывать меня. Ясно?

Воробей хмыкнул:

– Вот это да, китайские диверсанты! Это учения?

Капитан побагровел:

– Какие учения, лейтенант! Боевая операция! Майор, что это за клоунов вы привезли? Если бы мне хватило мотострелков и разведчиков, в жизнь бы я не стал рембатовцев привлекать! Вы боеприпасы хоть не забыли взять? Или с разводными ключами приперлись?

Лёха растерянно пробормотал:

– Виноват, товарищ капитан! Просто как-то неожиданно. Вооружение и боеприпасы получены и проверены. При обнаружении противника умело применим, не сомневайтесь!

Здоровяк в камуфляже заржал и ядовито заметил:

– Что ты там применишь, шнурок? Ты его обнаружь сначала! Это же ди-вер-сан-ты, пекинский отряд специального назначения «Волшебный меч Востока». Профессионалы, дурья твоя башка! Ваше дело – внешнее оцепление и поиск следов, а проще говоря – создание массовки. Желтые увидят толпу и, может быть, записхуют. Непосредственный поиск будут вести мои ребята и разведбат мотострелковой дивизии. Ясно? Сейчас «вертушки» подгребут – будут шарить местность. А вас упаси Господи встрять!

Марат кашлянул и спросил:

– Ну все-таки, товарищ... Не вижу вашего воинского звания. Нельзя же исключать, что они на нас выйдут. Как нам своих людей инструктировать?

Здоровяк и не думал представляться. Сплюнул и ответил:

– Лейтенант, если они на вас выйдут, вам только и останется, что «груз двести» оформлять. Теоретически – брать живыми, стрелять по конечностям. Если ты успеешь эти конечности разглядеть, что вряд ли.

Хмурый Морозов исподлобья посмотрел на лейтенантов:

– Ну, все понятно? Цепью, интервал десять метров. Бойцов предупредите, чтобы патрон в патронник не досылали и с предохранителя не снимали. А то китайцы китайцами, а меры безопасности никто не отменял. Проверьте, чтобы вода в поясных флягах была. Солнце жарит – нам только тепловых ударов не хватало. Связь каждые полчаса. Действуйте.

* * *

Грохочущие вертолеты улетели на заправку, и над степью воцарились обычные звуки – свист ветра да стрекот саранчи. Цепь двигалась не спеша, поднимаясь на невысокие холмы и спускаясь в распадки. Каждый час Марат останавливал людей на перекур и обходил сводный взвод, разговаривал с бойцами. Ничего особенного замечено не было. Впереди, километрах в трех на север, редела движком боевая машина пехоты, копошились фигурки – там вели поиск разведчики мотострелковой дивизии.

Первоначальное возбуждение от участия в реальной боевой операции давно прошло, солнце пекло, вода кончалась. И все уже надоело.

Двухметровый Олег Примачук подождал, пока Тагиров поднимется к нему на сопку.

– Ну чего, лейтенант, как думаешь: долго еще нам тут бродить?

– Не «лейтенант», а «товарищ лейтенант». И на «вы». Не забывайся, сержант. Бродить будем столько, сколько нужно.

Примачук оскалился.

– Ладно, ладно. Понял, товарищ командир.

– Еще бы ты не понял! А то не посмотрю, что ты старшина роты и «дембель», – огребешь у меня. Лучше скажи: ты ведь с Ханиным дружил?

– Да. То есть так точно, корешились. Жалко пацана, конечно. Хотя он особо не откровенничал ни с кем. Знаю, что девчонку очень любил свою, Наташку, из-за которой вроде... – Примачук замолчал, помрачнев.

Тагиров, однако, решил продолжить:

– Скажи: а он стихи писал? И вообще, какой он был?

– Писал. Хорошие стихи, в рифму! Мечтал, как на гражданку уедет, женится. В институт хотел поступать. Такой, не сказать, что жадный. Бережливый, все на дембель копил, подарки хотел купить родокам.

– Что-нибудь было необычное с ним в последнее время? Перед этим...

Примачук отвел глаза, забормотал:

– Говорю же: особо не болтал, все с письмами Наташкиными носился да на складе торчал безвылазно.

– Ладно. Если вспомнишь – скажи.

Сержант повеселел.

– Так точно, товарищ лейтенант! Разрешите в бинокль глянуть?

Марат передал оптику и начал спускаться по осыпи в пересохшее русло давно умершей речонки. Камешки выскакивали из-под сапог и шуршали, наперегонки сбегая вниз. Тагиров покачнулся, поскользнувшись, схватился рукой за валун. Отметил самым краешком глаза еле уловимое движение.

Пятнистая тень вдруг выросла на полнеба, загрозила свет. Удар летел сбоку в голову, Марат рефлекторно отшатнулся, чудом успев вместо виска подставить лоб. В глазах вспыхнуло красным, потом потемнело. Теряя сознание, услышал крик Примачука:

– Куда, гад! Не трожь летёху!

И отключился.

Глава третья

И все терялось в снежной мгле

Ольга Андреевна зябко повела плечами под тонкой шалью. Подошла к окну и потрогала длинными пальцами холодную батарею. За стеклом буйствовал ветер, несясь над землей бесконечной каруселью крупных хлопьев. Опять зима. На бесконечно долгие полгода.

Вернулась, забралась в кресло с ногами. Прикрыла глаза, чтобы лучше слышать ветер. Тихо прочитала вслух первую строфу:

*Мело, мело по всей земле,
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела...*

Загрохотал сливной бачок – вода с ревом устремилась в преисподнюю канализации. В комнату вплыл Сундуков – сначала пузо, потом все остальное. – Че там у тебя сгорело?

Ольга Андреевна вздохнула.

– Это Пастернак, Коленька. Я же тебе давала читать.

– А... Зеленая такая книжица?

Женщина вздохнула снова.

– Нет, не зеленая. Неважно, забудь. Вы там определились с седьмым ноября? Программу утвердили?

– Так я чего? Есть старший по гарнизону – пусть решает. Ведущим концерта Тагирова возьмешь?

Ольга ответила почему-то севшим голосом:

– Думаю еще. Как там у него дела, кстати?

– А чего думать? Много ума не надо – со сцены триндеть, уж на это он способен, молодой! Дела у него – только свист стоит! Деру ж его, как Сидорова козла, ха-ха-ха!

Сундуков подошел к шкафу, скрипнул дверцей, оглянулся на жену.

– Хотел тебе на октябрьские праздники подарить, да раз уж зима началась, то тянуть не буду. Держи. Каракуль! Страшно подумать, сколько полковников без папах осталось, ха-ха-ха!

Бросил на колени серую шубку. Ольга Андреевна погладила курчавый мех, вслушалась в свои ощущения.

Интересно: у лейтенанта на голове волосы такие же жесткие? Зажмурилась, отогнала неуместную мысль.

– Коленька, ты такой у меня молодец! Спасибо, котик!

– Ой, ой, замаякала!

– Поцелуй меня.

Сундуков засопел, облапил ручищами. Резко ударило запахом чеснока и немытых подмышек...

Все-таки очень любопытно: жесткие или нет?

* * *

На кресле начальника штаба батальона сидел холеный капитан, в котором Марат сразу признал гарнизонного особиста Мулина. Лицом ко входу за столом развалился тот самый

здоровенный дядька, который пугал лейтенантов китайскими диверсантами-профессионалами.

Получается, что не зря пугал. Тагиров инстинктивно потрогал лоб, где от здоровенной шишки остался так и не исчезнувший желвак. Роман Сергеевич, стоявший у окна, обернулся на стук в дверь.

– А, Тагиров! Входи. Оставляю тебя с товарищами офицерами, общайтесь. Я в ремзону.

Взял со стола свою шапку и поспешно вышел из кабинета. На лице угадывалось облегчение – компания гостей ему явно не нравилась.

Капитан откинулся в кресле, глянул на Марата. Жестом махнул на стул:

– Садись, лейтенант. Познакомься.

Бугай привстал, протянул широкую и шершавую, как чугунная сковородка, лапищу:

– Майор Деряба, Сайн-Шандинская рота спецназа ГРУ. Ну чего, герой, башка-то не болит?

Марат опять потрогал желвак. Значит, этот здоровяк – разведчик. Хотя и так понятно было.

– Лейтенант Тагиров. Спасибо за заботу, товарищ майор. Чему там болеть? Кость.

Уполномоченный Особого отдела кашлянул, нахмурил брови.

– Тагиров, вы давали подписку о неразглашении – так почему в вашем батальоне об операции по задержанию диверсантов все знают? Да чего батальон! Гарнизон поголовно осведомлен, по-моему.

Марат вспыхнул. Вот уж трепачом его зря пытаются обозвать!

– Так, товарищ капитан, там же сколько народу было... Только наших – сорок бойцов и два офицера, кроме меня. Честное слово, я когда через неделю из госпиталя вышел – все уже в курсе были.

Капитан, видимо, посчитав, что внушения сказал достаточно, сменил тон:

– Ладно, лейтенант, верю. Действительно, свидетелей хватало. Просто у нас тут есть информация об активизации китайской агентуры в Чойренском аймаке, начальство всю печенку проело насчет усиления бдительности. Претензий нет к тебе. Просьба есть. Надо бы рапорт переписать.

– Как, опять?! Я же у вас полдня просидел в особом отделе – три раза переписывал!

– Обстоятельства изменились. Деряба, поясни.

Спецназовец доверительно понизил голос:

– Тут такая штука, лейтенант. Мы, прямо скажем, слегка обгадились с этими китайцами. Должны были всех троих живыми брать, понимаешь? А получилось, что того, которого ты спугнул, подстрелили. Но в том и беда, что подстрелили неудачно: артерию пуля перебила. Сдох быстро от кровопотери. После этого через полчаса второго китаецу мои ребята обнаружили, погнали, а он застрелиться успел. Вот такие дела.

– А с третьим что?

– Кхм... Не нашли мы третьего. Фиг его знает: то ли просочился через оцепление, то ли его вообще не было. Их же сначала монгольские пастухи засекли – они и сообщили в свою милицию, что в степи трое бродят. Другой информации нет. Надо, брат, чтобы ты в рапорте написал, будто в момент, когда китаец тебе по кумполу врезал, офицер нашей роты недалеко был. Тогда мы это дело обрисуем так: на тебя напали, угрожали жизни, и нашему спецназовцу было не до «чистого» задержания, он выстрелил, спасая лейтенанта Тагирова. Понятно?

Марат пожал плечами:

– Мне-то какая разница?

– Вот именно! Тебе без разницы, а меня выручишь. Московским начальникам-то пофиг, что мы под пули идем, им главное – повод найти и поймать по полной программе.

Капитан-особист поднялся с морозовского кресла, достал из-под стола пижонский кожаный портфель, щелкнул замочком, достал рапорт Тагирова. Марат усмехнулся про себя: ему бы в голову не пришло щеголять по батальону с портфельчиком – обходился офицерской сумкой-планшетом.

– Вот этот лист перепиши.

Под диктовку особиста процесс прошел быстро. Капитан упрятал листы обратно. Подмигнул:

– Ну, вот и управились. Молодец, лейтенант! Глядишь, и мы добром ответим.

– Да я всегда помочь готов, – ответил Тагиров.

– И это правильно. С нами лучше дружить, чем наоборот. Доставай, Богдан, я дверь запру.

Пока контрразведчик возился с замком, Деряба вынимал из боковых и внутренних карманов булькающую солдатскую фляжку, складные стаканчики, сверток с нарезанным хлебом, плоские банки консервов...

Особист выпил чисто символически и с серьезным лицом ушел по каким-то своим тайным делам. А Богдан Деряба оказался классным мужиком, отличным рассказчиком и почти не кичился своим «спецна-значением».

Фляжка с «шилом» уже подходила к концу, а майорские байки все не иссякали. Марат набрался смелости и перебил все-таки рассказ Дерябы о том, как он еще лейтенантом прыгал с парашютом на лес, повис на высоченной сосне и битый час не мог выпутаться из положения.

– Товарищ майор, объясните мне, пожалуйста: а откуда в степи китайцы взялись? До монгольско-китайской границы триста километров с лишним. Да и не в этом дело – войны же с ними нет? Если бы вы их поймали – это же был бы международный скандал! Или нет? Не понимаю я.

Деряба снисходительно поглядел на Тагирова:

– Эх ты, армейский! Это мы с тобой знаем, что они – маоисты поганые. Но ведь у них документов нет и на лбу ничего такого не написано. Если и удастся их поймать и за яйца подвесить, то говорить они будут на родном языке – то есть по-монгольски. Знаешь, сколько их в китайской провинции Внутренняя Монголия живет? Больше, чем в МНР. Да и не будет никто скандалов раздувать. Они сюда ходят – так, думаешь, мы к ним не ходим?

– А зачем? – удивился Марат.

– Вам, армейским, не понять! – важно заявил Деряба.

Марат обиженно насупился. Майор подмигнул и покровительственно похлопал Тагирова по плечу:

– Ладно, не дуйся. Просто мы – спецназ, понимаешь? Это для вас, армейских, флотских – да хотя бы и гражданских! – война начинается с передовицы в газете. Или с выступления по радио главы правительства. А мы всегда на войне – даже если кажется, что мир кругом, понимаешь? На то и операции у нас такие, особые. Не для разглашения. Вот эти китаезы, например, выполняли учебно-боевую задачу: маршрут проникновения на территорию Монголии отрабатывали, предположим. Или закладку чего-нибудь нужного делали на будущее. Всякие бывают цели. Может, зачет таким образом сдавали в своей разведшколе. Пешочком по ночам шли, днем прятались. Километров по семьдесят в сутки.

– Ух ты! Никогда бы не подумал, – поразился Тагиров.

– А ты и не должен ничего такого ни думать, ни знать. Я и так с тобой слишком откровенен. Надеюсь, трепаться не будешь ни с кем о нашем разговоре?

– Да что вы, товарищ майор!

– Ладно, буду собираться – мне еще три сотни верст до гарнизона пилить, а погода гадостная, пурга все не кончается.

Марат восхитился:

– Пешком пойдете триста километров?!

– Тьфу, дурак! Зачем пешком, если машина есть? Я же из спецназа, а не психдиспансера, ха-ха-ха!

Дверь распахнулась – вошел заснеженный хозяин кабинета. Снял шапку, отряхнул с плеч подмокающий в тепле снег. Неодобрительно глянул на постеленную газету с остатками закуски и складными стопками. Деряба проследил за взглядом Морозова, предложил:

– Будешь, майор? Тут как раз на один глоток осталось.

– Спасибо, обойдусь. У нас, вообще-то, рабочий день в разгаре.

Богдан будто и не заметил осуждения. Долил остатки «шила», потряс фляжку. Проследил, чтобы последние капли не промахнулись мимо посуды. Залпом выпил («Мне даже не подумал предложить», – заметил Марат с обидой), крикнул, протянул руку для прощания:

– Ну, бывай, лейтенант! Спасибо за все. И тебя, майор, благодарствую, что в своем кабинете приютил, – решили мы все вопросы. Удачи!

Хлопнула дверь. Марат тоже поднялся, чтобы уйти, и почувствовал, как закружилась голова, – все-таки выпито было прилично. Стараясь ступать твердо, двинулся на выход.

– А ты куда, Тагиров? Я тебя разве отпускал?

Морозов говорил зло, презрительно глядя на покрасневшего Марата:

– Ты берега потерял, лейтенант? Сидишь в кабинете начальника штаба батальона, бухаешь с этими... С чужими. Посреди рабочего дня! Или, как от китайца звездюлей получил, так возгордился? Думаешь, эти ребята в разведку к себе заберут? Или в контрразведку? Ну, чего молчишь?

– Виноват, товарищ майор!

– Естественно, виноват! Я сейчас в твою роту молодого пополнения заходил – там бардак неописуемый! Дневальный все команды перепутал, табуретки не выровнены! Сержант этот твой, как его... Дылда. Примачук, да! Ходит по казарме, воротничок расстегнутый, сапоги с дырками. Какого хрена у него сапоги рваные, а?

– Так это, товарищ майор... У него же сорок восьмой размер ноги! Не достать новых сапог – таких на складах нет. И потом, он все равно «дембель», домой уедет не сегодня – завтра.

– У тебя на все оправдание найдется, я погляжу. Говорливый стал, не успел двух месяцев прослужить. Иди в роту, наводи порядок! Через час приду – проверю. И это. Луку поешь, что ли. А то будешь на бойцов перегаром дышать. Тьфу, срамота! Все, вали отсюда.

* * *

– Не замерзли, лейтенант? Пешком, наверное, шли?

Ольга Андреевна поставила чашку с обжигающим чаем перед Маратом. Села напротив, положив на стол тонкие руки. Рыжеватые волосы собраны в простой хвост на аптекарскую резинку, зеленые глазищи чуть подведены. В уютной вязаной кофте на пуговицах поверх васильковой блузки, и духи чувствуются еле-еле, как льдистая нотка в запахе осеннего леса солнечным октябрьским днем. Такая домашняя. Такая... Не твоя.

Тагиров покраснел, опустил глаза. Схватил чашку, глотнул горячую, как лава, жидкость, закашлялся.

Ольга Андреевна засмеялась:

– Ну что же вы, лейтенант! Не надо торопиться – никуда ваш чай не убежит.

– Да... Автобус ушел давно, а я опять на службе застрял. Вот, пришлось своим ходом добираться. Я вас сильно задерживаю, наверное?

– Полчаса у меня есть – давайте поглядим программу концерта на седьмое ноября.

Ольга Андреевна взяла пачку отпечатанных на машинке листов. Присела рядом:

– Торжественная часть как обычно: внос знамени, гимн, доклад командира дивизии... Примерно на полчаса. – Ольга зашелестела листками. – Ага, вот. Вы открываете концерт, потом хор поет «И Ленин такой молодой...». И дальше...

Она продолжала что-то говорить, а Тагиров кивал головой невпопад, чувствуя ее совсем рядом, и горячее бедро касалось ноги, и запах туманил разум...

– Вы меня совсем не слушаете, лейтенант, – Ольга Андреевна подошла к шкафу, сердито стуча каблучками. – Где-то тут был прошлогодний сценарий, там удачный переход между номерами, можно использовать...

Марат очнулся. Торопясь, начал оправдываться:

– Простите, и вправду задумался – день тяжелый был.

Ольга продолжала рыться в шкафу, не ответив. Не нашла нужного на верхней полке, изогнулась, ища ниже. Серая юбка обтянула тугую попку. Тагиров покраснел и отвел взгляд.

– Вот, – Ольга села напротив, скрипнув стулом. Наклонилась над мятыми листками, расправила розовым ноготком закручивающийся уголок. – И здесь стихи бы хорошо.

Верхняя пуговичка ее блузки расстегнулась. Тагиров, не дыша, смотрел, как золотая цепочка сбегает в тайное ущелье между двумя возвышенностями, прячась под белую пограничную полосу бюстгальтера.

Взгляд лейтенанта сейчас, наверное, мог прожечь толстый лист брони не хуже кумулятивного заряда. Ольга Андреевна подняла насмешливые глаза, застегнула пуговичку. Тихо рассмеялась.

– Не отвлекайтесь, Марат! Стихи подобрали?

– Ну... Я думаю, Багрицкого, «Смерть пионерки».

Ольга Андреевна неожиданно рассердилась, прикусила нижнюю губку.

– Есть еще варианты? Мне казалось, что вы знаете много стихов, так что прошу меня не разочаровывать. Хотелось бы чего-нибудь неизбежного.

Марат растерялся, не понимая причину резкой перемены настроения. Ответил не сразу:

– Есть еще «Баллада о бессмертии» Роберта Рождественского. Я читал на концертах – сильная вещь, по-моему.

– Баллада. Бессмертие. – Ольга Андреевна будто пробовала эти слова на вкус. У нее явно испортилось настроение, только сейчас она выглядела не сердитой, а грустной. И усталой. – Хорошие слова по отдельности, а вместе какой-то безнадежностью отдает.

– Там комиссара расстреливают, и он перед смертью поет «Интернационал». Хотите, прочту сейчас?

– Нет, настроение не то. «Баллада» так «баллада» – включаем в программу. Лучше что-нибудь из Блока мне прочтите, хорошо?

Марат провел ладонью по не высохшим до сих пор кудрям (метель так и не кончилась, и он здорово промок, пока добирался до Дома офицеров). Прочистил горло.

*Не призывай. И без призыва
Приду во храм.
Склонюсь главою молчаливо
К твоим ногам...*

Ольга Андреевна слушала, спрятав лицо в ладони. Тагиров давно закончил, но она так и сидела, не шевелясь. Белые хлопья летели на свет, с разбегу мягко прилипали к окну и, сползая по стеклу, равнодушно глядели в маленький захламленный кабинет, на глупого растерянного мальчишку и плачущую женщину.

* * *

На следующий день ветер стих. Степь, покрытая сверкающим снежным ковром, стреляла ярчайшими солнечными зайчиками. Выглядела празднично, будто тоже готовилась к годовщине Октябрьской революции.

В Доме офицеров прошло несколько репетиций концерта к седьмому ноября. Ольга Андреевна вела себя на них подчеркнуто официально и ни разу не назвала Марата «мой лейтенант». Словно стеснялась своих слез тем выюжным вечером и всячески подчеркивала, что ничего особенного не произошло.

А может, как раз обижалась на то, что ничего особенного не произошло.

Тагиров злился на внезапно нападающее в ее присутствии смущенное бессилие. Чувствовал, что должен действовать решительно, – и понимал, что любые его поступки приведут прямиком в жуткую пропасть.

* * *

– Отлично выглядите, товарищ лейтенант!

Марат подглядывал в щелку занавеса, как начальник политотдела мотострелковой дивизии заканчивает торжественный доклад. Вздрыгнул, обернулся. И замер от восхищения.

На Ольге было длинное, в пол, облегающее зеленое платье с искрой. Высоко уложенные волнистые (от слова «волновать») волосы открывали безупречные ушки, украшенные длинными сережками с какими-то очень красивыми большими камнями зеленого цвета.

Ольга Андреевна кокетливо изогнула стан, положив обнаженную руку на талию.

– Как я вам? – и легко обернулась вокруг оси на высоченных каблуках, продемонстрировав открытую спину. – Специально платье по цвету подобрала, чтобы гармонировать с вашей бирюзой.

– Это отпад! – восхищенный Тагиров не мог подобрать слов, речь вдруг стала косноязычной. – Просто обалденно!

Ольга Андреевна вздохнула.

– Эх, не те офицеры пошли! Вы бы еще сказали «зыко», фу! Не то что во времена незабвенного Михаила Юрьевича Лермонтова. «Отпад», – передразнила, смешно морща носик. – И это вместо «Обворожительно! Божественно! Само совершенство!».

Марат растерянно хлопал глазами. Проямлил:

– Ну да, конечно. Я так и хотел сказать...

Зал разразился громкими аплодисментами, искренне радуясь окончанию занудного доклада.

– Ладно, у вас еще будет возможность исправиться и проявить воображение, МОИ лейтенант. Пошли – публика вожделеет нашего выхода. – И подтолкнула Марата на сцену, в свет софитов.

* * *

Первое отделение пролетело на одном дыхании. Тагиров так вдохновенно прочел «Балладу», что сорвал овации. После объявления антракта Ольга убежала в гримерную, шепнув: «Молодец» и чмокнув Марата в щеку.

Чувствуя легкое головокружение, лейтенант вышел покурить на улицу, в толпу обсуждавших концерт солдат и офицеров. Солнце уходило, окрасив заснеженную степь в нежно-розовое.

«А ведь это – наш первый поцелуй! – подумал Тагиров и усмехнулся: – Можно вообразить, что будет второй».

– Э, лейтенант, письмо тебе, – рядом стоял каптер из второй роты, узбек Фарухов, и протягивал серый солдатский конверт без марки. – Примачук давал.

– Не «тебе», а «вам», – привычно поправил Марат. Взял конверт, повертел: никаких надписей. – Точно мне?

– Вам тебе, да! Он сказал: «Лейтенант, который комсомол, давай». Когда дембель ходил, мне давал, я тебе вам давал. Свой щека три, красный там.

Тагиров понял, что на щеке остался след помады. Кивнул, сунул письмо во внутренний карман и побежал в зал, на ходу вытирая ладонью Ольгину метку, – готовиться ко второму отделению.

* * *

– Концерт окончен, дорогие товарищи! А сейчас просим всех пройти в вестибюль, где будут танцы. И, конечно, вас ждет гостеприимный буфет. Еще раз всех с праздником!

Зал загремел складными креслами, зашумел, двинулся к выходам. Ольга выключила микрофон и повернулась к Марату:

– Ну что же, поздравляю с дебютом! Все прошло отлично – я в вас не сомневалась, мой лейтенант! Пойдемте?

Тагиров кивнул, спустился со сцены, подал руку. Ольга, подобрав длинный подол, застучала каблучками по ступенькам.

– Что же, рыцарь, проводите даму в танцевальную залу! Надеюсь, вы не обещали первый тур вальса какой-нибудь легкомысленной девице и я могу на вас рассчитывать? – и засмеялась своим необыкновенным смехом.

– Ну что вы, Ольга Андреевна, никому я ничего не обещал, кроме вас!

– Хм. Странно. Мне казалось, что и мне вы ничего не обещали, ха-ха-ха! – Ольга явно развлекалась.

– А это у вас изумруды в сережках? – спросил Тагиров, чтобы хоть что-нибудь сказать.

– Да. Под цвет моих глаз. И ваших, кстати, тоже. Муж привез из Египта – в командировке там был.

У Марата резко испортилось настроение. Тем более что на выходе из зала их ждал полковник Сундуков. На удивление довольный.

– Ну че, комсомол, молодцом! Как ты прям! До печенок своим стихом. Продрало! Ну, и без запинок вел. Не опозорил честь рембазы. Еще бы хоть в половину так же хорошо службу исполнял – глядишь, драл бы я тебя чуток пореже, ха-ха-ха!

Ольга искоса глянула на пунцового лейтенанта и с укоризной покачала головой:

– Ну зачем так, Коля? Сегодня же праздник – мог бы и не вспоминать о вашей... м-м-м... специфике.

– Ладно, я на завтра процедуру отложу, так и быть, – Дундук подставил локоть. – Давай, жена, цепляйся. Пошли – там банкет для старшего командного состава. Коньяк армянский, икра черная.

Они уходили – огромный, тупой, красномордый пузырь и гибкая, как зеленая веточка, нимфа. Муж и жена.

Ольга обернулась, одними губами прошептала «Спасибо» и послала воздушный поцелуй.

Лейтенант улыбнулся в ответ и двинул на улицу – покурить.

* * *

Было совсем темно. Фонарь у входа очертил круг затоптанного, коричневого снега. От стены тихо окликнули:

– Марат! Покурим? А то я пустой.

Лейтенант пригляделся и узнал сутулую несуразную фигуру Серёжи Викулова. Тот вернулся после сопровождения «груза двести» совсем уже нелюдимым, ни с кем не общался и сутками пропадал в ремзоне, закопавшись в кишках электронных приборов с головой. Пришел конец горячим дискуссиям на военно-исторические темы – Сергей не предлагал, Тагиров не напрашивался.

Марат протянул пачку, чиркнул спичкой. Затянулись. Викулов явно не знал, как начать разговор, а Тагирову было и так хорошо – в тишине молчать и вспоминать легкий, как прикосновение цветка, поцелуй в щеку, слышное только ему «спасибо» одними губами...

Наконец Серёжа заговорил:

– Очень плохо почта работает. Только сегодня письмо пришло, а чего тут до Иркутска-то? Тьфу! А шло целых три недели! Я уж и не знал, чего подумать, – у нее же соревнования, мало ли что...

Викулов говорил горячо, торопясь выложить побольше, пока не перебили. И – что очень удивляло – счастливо улыбаясь при этом. Из бестолкового, будто сляпанного из разнокалиберных обломков рассказа Тагиров понял: еще год назад, будучи в командировке на ремонте в Иркутске, Серёга совершенно случайно познакомился с очень красивой и самой умной на свете девочкой Таней. Пруста читала, правда-правда! Да еще и спортсменка – играет в университетской волейбольной команде. И кто бы мог подумать, что эта выдающаяся девушка обратит внимание на такого... м-м-м... обычного человека, как Серёжа! (Хрен там! Ты, Серёга, совсем не обычный – такого не в каждой психбольнице найдешь!) Переписывались. И вот она (сама!) написала, что ждет новой встречи с нетерпением, пусть Серёжа приезжает в отпуск в Иркутск. А отпуск только в декабре. (На дворе июль палит – в отпуск едет замполит; на дворе декабрь холодный – в отпуск едет Ванька-взводный; самый грязный, позже всех, в отпуск едет зампотех.) А тут этот... случай неприятный. С Ханиным. И вот Викулов, ужасно мучаясь нравственной двусмысленностью, все же решил дать телеграмму Танечке. И на станции пересадки Иркутск в два часа ночи на платформе между шестым и седьмым путями состоялась долгожданная встреча двух влюбленных сердец. Пока бойцы перетаскивали гроб из одного поезда в другой, Серёжа держал ненаглядную за руки и тонул в бездонных глазах. Только пятнадцать минут длилась эта встреча, но перевернула всю жизнь. Или, вернее, сразу две жизни двух очень хороших людей...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.